

Изъ моихъ воспоминаній.

Скончавшійся прошлою весною, 20-го мая, мой отецъ, отставной подполковникъ генеральнаго штаба, Евгеній Никаноровичъ Кедринъ, военный по началу жизни, по выходѣ въ отставку въ 27-лѣтнемъ возрастѣ— педагогъ, одно время весьма знаемый въ Москвѣ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ немногихъ остававшихся въ живыхъ ветерановъ славной сева-стопольской обороны. Родившись въ 1834-мъ году, принадлежа воспитаніемъ и первымъ годомъ своей военной службы эпохѣ Николаевскаго времени, отецъ и по выходѣ въ отставку на всю жизнь сохранилъ типическія черты служаки—николаевца въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Благоговѣйно чтившій имя царя, пламенно любившій свою родину, твердо вѣрившій въ ея высокое призваніе, отецъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, который смотрѣлъ на свои обязанности какъ на священный долгъ, который надлежало нести безкорыстно, безропотно и безупречно. Свидѣтель великаго историческаго событія—обороны Севастополя, лично знавшій многихъ славныхъ дѣятелей этой обороны, отецъ могъ бы дать цѣнныя историческія воспоминанія, но вѣрный своей эпохѣ, отецъ былъ человѣкомъ замкнутымъ въ самомъ себѣ, неизмѣнно сдержаннымъ, рѣдко общительнымъ, не терпѣвшій лжи даже въ шутку, до странности щепетильнымъ въ отношеніи всего того, что могло бы заставить заподозрѣть его въ стремленіи къ популярничанью. Человѣкъ стараго закала, николаевецъ всегда вѣрный самому себя, человѣкъ съ виду холодный, но на дѣлѣ до самоотверженности участливый къ ближнему своему, человѣкъ высоко-гуманный, по признанію всѣхъ окружавшихъ его, заботливый семьянинъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно чертамъ своего времени, былъ мало доступнымъ даже для насъ, его дѣтей, которыя не позволяли себѣ лѣзть къ нему съ распросами. Тѣмъ не менѣе, несмотря на его замкнутость въ самомъ себѣ, изъ рѣдкихъ мгновеній его общительности мнѣ удалось составить нѣкоторый матеріалъ его любопытнаго прошлаго, имѣющій, какъ мнѣ думается, нѣкоторую историческую цѣнность.

Первая половина жизни отца была богата разнообразіемъ положеній и впечатлѣній. Отецъ родился въ западномъ Кавказѣ въ крѣпости Геленджикѣ, гдѣ дѣдъ мой былъ военнымъ врачомъ. Далѣе мой дѣдъ былъ переведенъ въ военное кавалерійское поселеніе, уцѣлѣвшее со вре-

мень Аракчеева на югѣ Россіи. Отецъ не сохранилъ въ памяти почти ничего изъ впечатлѣній лѣтъ, проведенныхъ въ этомъ поселеніи. Отецъ помнитъ только, что улицы поселенія отличались правильностью расположенія и опрятностью домиковъ поселенцевъ. Отецъ помнилъ себя хорошо уже въ крѣпости Обинѣ Кубанской области, куда былъ переведенъ мой дѣдъ. Крѣпость была мала—въ ней едва помѣщался батальонъ солдатъ. Небольшой плацъ, казарменные одноэтажныя строенія, домикъ для батальоннаго командира, другой—для военнаго врача—вотъ почти все, что заключало въ себѣ это укрѣпленіе. Мѣстечко было обнесено старою крѣпостною стѣною, валомъ и рвомъ, наполненнымъ водою; черезъ ровъ былъ устроенъ подъемный мостъ на цѣпяхъ, опускаемый днемъ и поднимаемый на ночь. Отецъ говорилъ, что впоследствии при чтеніи романовъ Вальтеръ Скотта, при чтеніи описаній крѣпостныхъ стѣнъ, подъемныхъ мостовъ—сихъ условій средневѣковаго быта, онъ встрѣтился со всѣмъ этимъ какъ съ чѣмъ-то знакомымъ, роднымъ... Жизнь на Кавказѣ въ крѣпостцахъ, подобныхъ Обинской, въ тѣ времена была преисполнена опасностей—горцы по временамъ отваживались на нападенія довольно дерзкія. Чтобы узнать своевременно о нападеніяхъ горцевъ, приходилось имѣть лазутчиковъ, шпионовъ. Объ одномъ такомъ лазутчикѣ-горцѣ, состоявшемъ на службѣ у русскихъ, по имени Атуля, отецъ хранилъ воспоминаніе всю жизнь, воспоминаніе свѣтлое, отрадное. Отецъ очень любилъ появленія этого горца въ крѣпости. Горецъ очень любилъ моего отца и, умѣя хорошо говорить по-русски, часто рассказывалъ мальчику свои диковинныя походы. Иногда, во время разсказа, онъ сажалъ мальчика на колѣни и отецъ припоминалъ, что череска горца вся была пропитана запахомъ душистыхъ степныхъ травъ. Атуля обыкновенно появлялся въ крѣпость ночью; копыта лошади горца были въ такихъ случаяхъ обвязаны тряпками, дабы стукъ подковъ не привлекалъ вниманіе его соплеменниковъ и не выдалъ имъ его сношенія съ врагами. Однажды Атуля увѣдомилъ коменданта Обинской крѣпости, что его соплеменники готовятся къ нападенію на крѣпость, что уже разосланы гонцы съ воззваніемъ къ разнымъ горнымъ племенамъ и что горцы предполагаютъ собрать тысячъ до четырехъ наѣздниковъ. Комендантъ Обинской крѣпости немедленно послалъ въ Новороссійскъ за подкрѣпленіемъ. Три дня проишли для обитателей Обинской крѣпости въ томительномъ ожиданіи: съ утра выходили они на крѣпостной валъ, и, проводя на немъ большую часть дня, жадно всматривались въ степную даль. Наконецъ, вдали на дорогѣ показались облака пыли—признакъ подвигающихся войскъ, но долго еще нельзя было разсмотрѣть, ѣдутъ ли это горцы или наши войска? Отецъ рассказывалъ, что радостныя чувства, охватившія обитателей Обина, когда можно было уже различить русскіе мундиры, не поддавались описанію: при приближеніи избавителей многіе плакали отъ радости, благодаря Бога горячею молитвою за ихъ спасеніе. Горцы, очевидно провѣдавъ про прибытіе помощи, на этотъ разъ не отважились на нападеніе, но бывали случаи болѣе злополучныя. Отецъ

разсказываетъ, что, часто прогуливаясь со своимъ дядькою за крѣпостнымъ валомъ, онъ натыкался въ травѣ на человѣческіе черепа, кости рукъ, ногъ, даже цѣлые скелеты—свидѣтели битвъ, происшедшихъ здѣсь когда-то. Вообще дѣтскія воспоминанія моего отца изобиловали суровыми впечатлѣніями. Такъ, напр.: однажды дѣдушкѣ моему пришлось переѣзжать съ семьєю черезъ Азовское море на небольшомъ парусномъ суднѣ въ бурное время года. Въ открытомъ морѣ разыгрался штормъ; волны били и трепали парусникъ какъ щепку, заливая палубу водой; бабушка моя, держа двухъ маленькихъ дочерей на палубѣ, въ ужасѣ бросилась на колѣни, моля Бога о спасеніи; дѣдушка мой, человѣкъ желѣзной воли, человѣкъ неустрашимый въ опасностяхъ, сталъ помогать капитану судна; моего отца, тогда мальчика лѣтъ пяти, онъ привязалъ къ мачтѣ, дабы волны не смыли его съ палубы. Мнѣ случилось вычитать это происшествіе изъ дневника моей бабушки, теперь къ сожалѣнію, утраченномъ, но весьма любопытномъ многими чертами минувшихъ временъ. Любопытны были въ этомъ дневникѣ черты супружеской привязанности моей бабушки, безграничной вѣры въ спутника ея жизни въ Провидѣніе, связавшее ее съ нимъ—чувства, увѣ! отходящія въ область преданій въ нашъ непостоянный вѣкъ. «Буря бушевала, волны какъ чудовища вставали кругомъ и тщились поглотить наше утлое судно, но другъ мой (т.-е. мой дѣдъ) былъ со мною, а съ нимъ и съ вѣрой въ Бога никакія бури не страшны», писала моя бабушка въ своемъ дневникѣ.

Еще одно воспоминаніе моего отца, рисующее яркія впечатлѣнія суроваго его дѣтства. Дѣду моему часто приходилось по дѣламъ службы переѣзжать изъ одной крѣпости въ другую: иногда онъ производилъ эти переѣзды со своею семьєю. Въ то время переѣзды изъ одной крѣпости въ другую производилось не иначе, какъ подъ прикрытіемъ сильныхъ «оказій». Несмотря на такія прикрытія, горцы производили дерзкія нападенія на ѣдущихъ. Въ одинъ изъ переѣздовъ моего дѣда съ его семьєю подъ прикрытіемъ сильной оказіи дерзость горцевъ дошла до того, что они отваживались то и дѣло показываться то тамъ, то сямъ по склонамъ долины по пути ѣдущихъ, какъ бы дразня своими появленіями казаковъ, входившихъ въ составъ оказіи. Отецъ разсказывалъ, что часто какой-либо казакъ, задѣтый за-живое этимъ поддразниваніемъ, соблазненный близостью врага, вдругъ, какъ-бы сорвавшись съ мѣста бросался вдогонку за дерзкимъ наѣздинкомъ-горцемъ вскачь. Между двумя врагами образовывалось нѣчто въ родѣ отчаяннаго соревнованія въ храбрости, кончавшееся либо смертью горца, либо казака. Горецъ обыкновенно часто обертывался на сѣдлѣ и палилъ на-скаку въ казака; казакъ стремглавъ несся за горцемъ, стремясь пагнуть горца и, приближаясь къ нему, мѣтко бросалъ въ него свою пяку которая, вонзившись въ спину лихого наѣздинка, валила его на землю мертвымъ. Случилось однажды такъ: коляска, въ которой ѣхалъ мой дѣдъ со своею семьєю, сломалась и оказія, прикрывавшая многихъ другихъ путниковъ, ушла впередъ. Отецъ вспоминалъ, что мать его была въ отчаяніи,

но самъ мой отецъ былъ слишкомъ малъ, чтобы понять весь ужасъ положенія. Еще одно воспоминаніе отца, относящееся къ пребыванію моего дѣда въ одной изъ крѣпостей Кубанской области. Въ крѣпость, въ которой служилъ мой дѣдъ, однажды прибылъ какой-то разжалованный въ солдаты офицеръ, когда-то сосланный изъ Петербурга на Кавказъ послѣ декабрьскаго бунта и теперь переведенный въ крѣпость—мѣсто служенія моего дѣда. Отецъ рассказывалъ, что прибывшій былъ уже не первой молодости, но былъ строень, красивъ, что онъ имѣлъ манеры человѣка прекрасно воспитаннаго. Онъ одѣвался щегольски, имѣлъ много дорогого оружія, которое приводило въ восторгъ, какъ мальчика, моего отца; изгнанникъ держа великолѣпнаго коня, часто, надѣвъ черкеску, на своемъ лихомъ арабскомъ скакунѣ посидя птицей по степи, чтобы какъ-нибудь сократить скуку своего изгнанія. Этотъ изгнанникъ былъ декабристъ, писатель Бестужевъ-Марлинскій, съ которымъ мой дѣдъ былъ пріятельски знакомъ. Отецъ припоминалъ, что они часто сходились съ моимъ дѣдомъ и подолгу горячо бесѣдовали о чемъ-то, но отецъ мой былъ тогда слишкомъ малъ, чтобы понять и запомнить что-либо изъ этихъ бесѣдъ. Отецъ припоминалъ также, что мой дѣдъ вскорѣ сильно сожалѣлъ о гибели своего знакомаго въ бою.

Далѣе воспоминанія отца относятся къ пребыванію дѣда въ крѣпости Анагоріи. Эта крѣпость была построена еще Суворовымъ и завершала собою на Таманскомъ полуостровѣ Кубанскую линію крѣпостей—нашъ старый оплотъ отъ набѣговъ горцевъ. Отецъ мой даже зналъ мальчикомъ въ близлежащей Тамани одну старую казачку, которая лично видѣла Суворова. Отецъ передавалъ любопытный ея рассказъ о томъ, какъ явился Суворовъ въ Анагорію для осмотра крѣпости: «Маленькій, худенькій, скверненькій, а шватскій—лкій старикашка—бѣжитъ собі впередъ, а важные еднарали всѣ позоди отстають», повѣствовала казачка на своемъ своеобразномъ языкѣ. Крѣпость Анагорія давно уже упразднена. Лишь тридцать съ лишнимъ я была въ ней и, она представляла лишь пустырь, поросшій бурьяномъ и прочею сорной травой; валъ, окружавшій нѣкогда крѣпость, маленькій домикъ—бывшая аптека, были единственными памятниками ея существованія. Среди пустыря сиротливо высились безобразныя кирпичныя стѣны выстроеннаго впоследствии на мѣстѣ упраздненной крѣпости и тоже заброшеннаго керосиноваго завода, который не пошелъ. Нѣкогда же Анагорія была не только значительнымъ укрѣпленіемъ, но и мѣстомъ находенія громаднаго военнаго госпиталя, въ который свозили со всей черноморской линіи больныхъ и раненыхъ, число которыхъ доходило иногда до четырехъ тысячъ—въ этотъ-то госпиталь мой дѣдъ былъ назначенъ главнымъ врачомъ.

Дѣдъ мой былъ человѣкомъ не совсѣмъ обыкновеннымъ: изъ Московской Военно-Хирургической академіи (нынѣ медицинскій факультетъ) выпущенный въ одинъ годъ съ извѣстнымъ докторомъ Иноземцевымъ, съ

которымъ былъ пріятель, дѣдъ мой тоже былъ отмѣчаемъ въ академіи, какъ подающій большія надежды стать виднымъ врачомъ. Всю жизнь, до самой смерти дѣдъ не переставалъ слѣдить за наукой и я помню его уже въ глубокой старости вѣчно сидящаго у себя въ кабинетѣ согбеннымъ за книгами или за химическими опытами, — этимъ послѣднимъ дѣдъ всегда придавалъ важное значеніе въ области медицинскихъ наукъ, въ которой онъ обнаруживалъ не малый запасъ творческихъ силъ. Можно было бы привести цѣлый рядъ его идей, упредившихъ науку и теперь утвердившихся въ ней, но суровое недовѣріе къ себѣ и непреодолимая скромность мѣшали моему дѣду обнародовать ихъ.

Будучи самъ человѣкомъ необычайно умѣреннымъ и воздержаннымъ, сохранивъ силы до глубокой старости, дѣдъ особое значеніе придавалъ гигиенѣ и діететикѣ—науки, которыя онъ даже находилъ необходимымъ ввести въ курсъ средней школы, дабы уже на школьной скамьѣ люди сроднялись съ премудрымъ званіемъ предупрежденія недуговъ. Самъ, будучи глубоко-знающимъ свою науку врачомъ, дѣдъ относился со значительнымъ скепцизмомъ къ силѣ медицинскихъ знаній и къ помощи врача: «не будь глупъ и будешь здоровъ», любилъ поговаривать онъ.

Слава о познаніяхъ моего дѣда, о его искусствѣ какъ хирурга и врача, о его неподкупной честности и желѣзной волѣ начала распространяться вскорѣ по его прибытіи на Кавказъ. Случилось такъ: адмиралъ Серебряковъ, стоявшій во главѣ управленія всей Черноморской линіей, заболѣлъ тяжелой формою тифа, который отказались вылѣчить врачи. Къ больному былъ выписанъ дѣдъ и адмиралъ мало-по-малу превозмогъ угрожавшій смертью недугъ. Личное знакомство съ моимъ дѣдомъ убѣдило адмирала Серебрякова, что достоинства выписаннаго врача превосходятъ все слухи о немъ, и вскорѣ мой дѣдъ получилъ черезъ него назначеніе въ Фанагорійскій госпиталь. До назначенія моего дѣда этотъ госпиталь находился въ состояніи прямо плачевномъ: смертность была громадна, больные оставались почти безъ попеченія и надзора врачей. Общая распушенность, полное неустройство, нужда въ необходимѣйшемъ превосходили всякія описанія. Вставъ во главѣ госпиталя, дѣдъ все сразу взялъ въ свои желѣзныя руки: подтянулъ облѣнившихся, распустившихся, положилъ мздоимству сразу рѣшительный конецъ, дѣйствуя подчасъ, сказать по правдѣ, мѣрами весьма суровыми, бія не разъ негодяевъ собственной дланію. Съ водвореніемъ моего дѣда въ Фанагорійскомъ госпитальѣ произошло явленіе необычайное: смертность съ трехсотъ больныхъ въ мѣсяцъ при общемъ благоустройствѣ понизилась до девяти.

Еще за нѣсколько лѣтъ до назначенія моего дѣда главнымъ докторомъ Фанагорійскаго госпиталя онъ получилъ однажды командировку для борьбы съ холерою по всей кавказской линіи, гдѣ тогда эта болѣзнь свирѣпствовала съ ужасающей силою. Въ борьбѣ съ этою эпидеміей дѣдъ мой достигъ поразительныхъ результатовъ—холера почти прекратилась. Императоръ Николай Павловичъ, неослабно слѣдившій за всемъ про-

исходившемъ на Кавказѣ, былъ пораженъ внезапнымъ исчезновеніемъ тамъ холерной эпидеміи и спросилъ: чему приписываютъ ея быстрое прекращеніе? Ему отвѣчали, что холера прекратилась съ назначеніемъ врача Кедрина для борьбы съ нею. Императоръ Николай, который никогда не забывалъ истинныхъ заслугъ, спросилъ: «Быль ли награжденъ чѣмъ-либо этотъ врачъ?» Ему отвѣчали: «Пока ничѣмъ!»—«Это несправедливо»: сказалъ Императоръ и Всемилостивѣйше пожаловалъ моего дѣда брилліантовымъ перстнемъ, хранящимся въ нашемъ роду до сихъ поръ.

Личность дѣда вообще была самобытна до чрезвычайности и принадлежить далекому прошлому вполне. Высокій и величавый съ виду, съ правильными рѣзкими чертами лица, съ глубокимъ, впалымъ мрачнымъ взоромъ, не терпѣвшій шуточного отношенія къ жизни, никогда не смѣявшійся и неизмѣнно серьезный и углубленный въ себя, онъ, суровый и неприступный съ виду, желчный мизантропъ и безпощадный скептикъ по рѣчамъ, скрывалъ подъ суровой внѣшностью сердце нѣжное и участливое, чуткое къ виду страданій и нужды. Суровый до жестокости, когда нужно было карать неправду угнетателей, онъ являлся другомъ гонимыхъ за правду. Дѣдъ мой своею обширною практикою могъ-бы составить себѣ большое состояніе, но онъ никогда не отказывалъ приближающимся къ нему въ нуждѣ, часто дѣлясь съ нимъ послѣднимъ, что имѣлъ. Съ больныхъ неимущихъ мой дѣдъ обыкновенно не только не бралъ ничего, но даже покупалъ имъ лѣкарства, помогалъ деньгами. Если его будили ночью и онъ узнавалъ, что зовутъ къ тяжело больному бѣдняку, онъ вставалъ, не медля ни мгновенія. Одно время на Кавказѣ мой дѣдъ страдалъ изнурительною южною лихорадкой и, самъ въ пароксизмѣ, онъ шелъ къ больному, часто затѣмъ, чтобы оказать ему не только врачебную, но и денежную помощь. Отношеніе дѣда къ богатымъ пациентамъ, особенно страдавшимъ отъ излшшествъ и бездѣятельной жизни, было сурово и нетерпимо. Любопытенъ случай, произошедшій съ моимъ дѣдомъ и нѣкою П., женою богача-грека, откупщика всѣхъ рыбныхъ промысловъ на Кубани. Г-жа П. явилась къ дѣду лѣчиться отъ ожирѣнія, произошедшаго отъ полной бездѣятельности и слишкомъ обильной пищи, ожирѣнія, принявшаго невозможные размѣры и угрожающее направленіе. Дѣдъ внимательно выслушалъ, выстукалъ больную и послѣ нѣкотораго молчанія съ совершенно серьезнымъ видомъ задалъ ей вопросъ:

— А скажите мнѣ, сударыня, въ чемъ вы всегда ѣздите: въ коляскѣ или въ телѣгѣ?

— Разумѣется въ коляскѣ.....—въ недоумѣніи протянула больная.

— Ну такъ вотъ что я вамъ скажу: отнынѣ вы должны ѣздить въ телѣгѣ.

— Ну, а скажите кто у васъ въ домѣ моетъ полы?

— Разумѣется, прислуга, дѣвки!—нѣсколько даже обиженнымъ тономъ отвѣчала больная.

— Ну такъ вотъ что: если вы точно желаете быть здоровою, вы должны ѣздить не иначе какъ въ телѣгѣ и мыть полы сами до тѣхъ поръ пока не похудѣете.—Милліонерша сразу подумала, что чудакъ-докторъ шутить—она опѣшила, но дѣдъ мой ее убѣдилъ, что не находить иныхъ средствъ для ея исцѣленія и совѣтуетъ ей послушаться пока не поздно. Любопытнѣе всего то, что г-жа П. въ концѣ концовъ послѣдовала совѣту моего дѣда и избавилась отъ своего недуга вполнѣ.

Отношеніе же моего дѣда къ больнымъ ввѣренаго ему госпиталя было не только тонко-внимательнымъ, но даже полнымъ человѣческаго участія, съ проявленіемъ вникновенія въ душу больного. Такъ напр.: если ему приходилось отнимать солдату ногу, зараженную гангреной и солдатъ упрашивалъ не дѣлать этого, мой дѣдъ старался самымъ мягкимъ образомъ убѣдить больного согласиться на операцію, проявляя подъ суровой внѣшностью сердце нѣжное, глубоко чувствующее.

— Подумай, братецъ,—говорилъ мой дѣдъ,—въ такихъ случаяхъ—безъ ноги ты все-же будешь живъ, тебя отпустить въ чистую, ты вернешься къ своимъ, а вѣдь безъ операціи тебѣ не поправится.—Любопытенъ еще одинъ эпизодъ, рассказанный мнѣ отцомъ и относящійся къ пребыванію моего дѣда въ Фанагоріи и характеристичный для нашихъ нынѣшнихъ союзниковъ—французовъ и англичанъ.

Во время Севастопольской кампаніи небольшая эскадра союзниковъ вошла въ Керченскій проливъ, занявъ Керчь и нѣкоторые прибрежные города, открыла огонь и по Фанагоріи, которая къ этому времени почти совершенно утратила свое значеніе крѣпости и не могла отвѣчать на огонь. Дѣдъ мой, рѣшительный во всемъ, отважился на смѣлое средство: онъ распорядился всѣхъ больныхъ и раненыхъ госпиталя, которые держались на ногахъ, вывести въ ихъ халатахъ и колпакахъ на морской берегъ, рассчитавъ, что союзники со своихъ судовъ увидятъ эту толпу и не будутъ стрѣлять по сооруженіямъ госпитального поселка. Расчетъ моего дѣда оказался вѣрнымъ: англичане, разсмотрѣвъ толпу больныхъ и раненыхъ, тотчасъ же прекратили огонь, не выпустивъ послѣ этого ни одного снаряда. Увы: какъ это не похоже на обычный способъ дѣйствія нашихъ нынѣшнихъ враговъ!

Жизнь моего отца въ Фанагоріи не заключаетъ въ себѣ ничего особенно любопытнаго. Онъ росъ и воспитывался такъ, какъ росли и воспитывались въ старину: частію въ суровой домашней обстановкѣ, частію на лонѣ природы; этимъ лономъ было въ данномъ случаѣ приволье морского берега и морскихъ волнъ. Дѣтство, проведенное на берегу моря, сказалося для моего отца на всю жизнь: отецъ всю жизнь не могъ слышать равнодушно слово «море»—жить и умереть на берегу моря всегда было его завѣтной мечтой и почти до глубокой старости отецъ мой былъ удивительнымъ пловцомъ.

Пришла пора для моего отца поступать въ учебное заведеніе и его, тогда девятилѣтняго мальчика, дѣдъ отправилъ въ Петербургъ. Онъ поручилъ сына одному своему хорошему знакомому, графу К., который ѣхалъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ. Графъ К. былъ человекъ съ хорошими средствами и ѣхалъ со всѣми удобствами, съ собственнымъ кучеромъ и лекеемъ, въ собственной каретѣ—дормезѣ, въ которой для сна поднялся низъ сидѣнья, такъ что дорогою можно было спать лежа. Графъ К. былъ отставной гусаръ, красавецъ собою, большой мотъ, когда-то отчаянный рубака, сохранившій всѣ типичныя черты гусарства того времени, такъ ярко воспѣтаго потомъ—партизаномъ Денисомъ Давыдовымъ. Дорогою онъ часто покучивалъ и металъ банкъ. Графъ ѣхалъ почему-то черезъ Одессу. Тамъ, онъ занялъ лучшій номеръ въ лучшей гостиницѣ, гдѣ къ нему собиралась каждый вечеръ компанія богатыхъ коммерсантовъ—англичанъ и каждый вечеръ шла большая игра. Отецъ изъ любопытства присутствовалъ тутъ-же у стола играющихъ и рассказывалъ, какъ его поразили чудовищныя груды золота, лежавшія на столѣ и то и дѣло переходившія изъ рукъ въ руки, при чемъ проигравшіе въ совершенствѣ владѣли собою. Самъ графъ оказался въ концѣ концовъ въ большомъ проигрышѣ, но отъ этого не потерялъ своей обычной веселости нисколько. По дорогѣ въ Москву въ большихъ городахъ графъ останавливался сутокъ на двое. Въ Курскѣ графъ встрѣтилъ кое-кого изъ своихъ сослуживцевъ гусаръ, и повидному, захотѣлъ тряхнуть стариной. Въ свой обширный номеръ гостиницы графъ вызвалъ хоръ цыганъ—шампанское полилось рѣкою, и когда цыгане грянули плясовую, графъ не выдержалъ и лихо пустился въ присядку, удививъ всѣхъ легкостью своей разудалой пляски.... Отецъ вспоминалъ не разъ этотъ молодева-тый плясъ гусара—графа, одѣтаго для свободы въ красную шелковую рубашку. Помню, что по прочтеніи разсказа Толстого «Два гусара» отецъ сказалъ:—«Да, да тогда гусары именно были таковы» и тутъ же рассказывалъ мнѣ про графа К.

Отъ Москвы графъ К. уже поѣхалъ не въ собственной каретѣ дормезѣ (онъ проигралъ ее кому-то по дорогѣ), а въ почтовомъ дилижансѣ, какіе тогда ходили между Петербургомъ и Москвой. Въ почтовыхъ дилижансахъ того времени были мѣста внутреннія и два наружныя—сзади, на особыхъ сидѣньяхъ на вѣсу. Въ дилижансѣ было тѣсно и нашлось мѣсто только самому графу, а отца моего, тогда 9-тилѣтняго мальчика, посадили снаружи. Отецъ рассказывалъ, что, привыкшій къ южному теплу, онъ сильно продрогъ дорогою, особенно-же было трудно и утомительно все время держаться, чтобы не упасть, но все это не поднимало въ немъ враждебнаго чувства противъ графа К., сидѣвшаго въ сравнительномъ покоѣ и теплѣ—предпочтеніе оказываемое взрослымъ казалось ему вполне естественнымъ; отецъ говорилъ, что съ дѣтьми тогда не церемонились, не нянчились, ихъ не баловали и дѣти привыкли занимать вездѣ второе мѣсто. Дорогою отъ скуки отецъ разсматривалъ проѣзжающихъ, которые между Петербур-

гомъ и Москвой тянулись чуть не вереницею. Особенно любовался отецъ тѣми-же молодцами-гусарами, провосившимися на почтовыхъ телѣжкахъ, вѣроятно, съ предписаніями по казенной надобности, и отецъ говорилъ, что у нихъ у всѣхъ былъ удивительно выдержанный типъ.

По приѣздѣ въ Петербургъ отецъ былъ сначала отданъ въ частный пансіонъ и послѣ недолгаго пребыванія въ немъ былъ опредѣленъ въ такъ называемый «Дворянскій полкъ»—кадетскій корпусъ, почти ничѣмъ не отличавшійся отъ прочихъ кадетскихъ корпусовъ того времени и носившій всѣ типическія черты таковыхъ. Отецъ могъ тамъ вполнѣ ознакомиться съ характеромъ воспитанія въ кадетскихъ корпусахъ Николаевского времени, онъ испыталъ на себѣ всю суровость этого воспитанія, суровость, про которую вспоминалъ не разъ, но всегда съ признательностью, какъ закалившую его на всю жизнь и давшую ему возможность безропотно нести до глубокой старости бремя тяжелаго труда и многочисленныхъ житейскихъ невзгодъ. Точно: утомленіе, нравственныя страданія, равно какъ и физическую боль отецъ мой умѣлъ сносить безъ малѣйшихъ признаковъ ихъ обнаруженія. Въ нашъ вѣкъ постоянныхъ криковъ о переутомленіи молодежи, о недостаточномъ вниманіи къ дѣтямъ, о необходимости хорошаго питанія въ школьномъ возрастѣ, въ вѣкъ, когда въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ въ мирное время кормятъ два раза въ день мясомъ и даютъ даже пирожное, въ вѣкъ всевозможныхъ педагогическихъ лекцій, ученическихъ спектаклей и экскурсій, въ вѣкъ проповѣдей утонченнаго вниманія даже къ настроенію подрастающихъ гражданъ, трудно даже представить себѣ всю суровость воспитанія въ кадетскихъ корпусахъ Николаевского времени. Особенно врѣзалось у меня въ памяти, рассказанное моимъ отцомъ о пищевомъ довольствіи кадетъ Дворянскаго полка. Въ то время на паекъ каждаго кадета казна отпускала, кажется, по семи коп., но изъ этой суммы развѣ половина шла на пищевое довольствіе кадетъ, другая половина задерживалась въ карманахъ экономовъ, которые воровали нешадно. Чай съ молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ подавался лишь два раза въ годъ: въ первый день Рождества и Пасхи, каждодневно-же давали не чай, а по кружкѣ сбитня—кипятокъ съ разболтанымъ въ немъ небольшимъ количествомъ прогорклой патоки. На завтракъ и ужинъ выдавали по тоненькому ломтику чернаго хлѣба, настолько дурного, что по свидѣтельству отца, обыкновенный продажный, когда отецъ попробовалъ его въ первый разъ показался ему пряникомъ. На обѣдъ подавали обыкновенно супъ, безъ мяса, супъ болѣе похожій на слегка замученную воду, на второе тоненькій кусокъ мяса, иногда супъ и мясо замѣняли щи и гречневая каша. И мясо и гречневая каша, равно какъ и капуста во щяхъ ни капли не сходствовали съ обыкновеннымъ мясомъ, кашей и капустою, какія теперь ѣсть даже простонародье: мясо имѣло зеленоватый оттѣнокъ и часто нестерпимо воняло; капуста тоже почти всегда была тухлая; греч-

невая каша была такова, какой, какъ рассказывалъ отецъ, ему ни разу не случалось пробовать впоследствии даже при постояяхъ въ крестьянскихъ избахъ; эта каша была затхлая и прогорклая—говорили, что экономы того времени скупали для кадетскихъ корпусовъ подмоченныя крупы съ затонувшихъ барокъ. Слѣдствіемъ дурного питанія былъ повальный скорбутъ и мой отецъ долго потомъ не могъ отдѣлаться отъ кровотеченія десенъ, но за то я ни разу не помню, чтобы онъ когда-либо пожаловался на голодъ или на то, что какое-либо блюдо не вкусно приготовлено. Ростили кадетъ впроголодь, помня поговорку: «сытое брюхо—къ ученію глухо». А учебная программа была обширна, особенно по математикѣ: курсъ низшей алгебры заканчивался въ четвертомъ классѣ, а въ старшихъ классахъ уже проходились многія статьи высшей математики, въ которой оказывались слабыми къ концу курса лишь немногіе изъ кадетъ. Передавали преданіе о томъ, что великій энциклопедистъ Александръ Гумбольтъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, посѣтивъ Дворянскій полкъ и ознакомившись съ учебною программю этого корпуса, будто-бы сказалъ, что онъ не выдержалъ-бы безъ подготовки выпускного экзамена по программѣ Дворянскаго полка—преданіе, можетъ быть и преувеличивающее правду, во всякомъ случаѣ до извѣстной степени подтверждало дѣйствительность—кадеты Дворянскаго полка запасались въ немъ основательными знаніями на всю жизнь. Что-же касается отца, то въ учебные наши годы мы его дѣти прямо пользовались имъ какъ живымъ справочникомъ по курсу самыхъ разнообразныхъ наукъ. Помню, однажды, вычитавъ въ одномъ изъ историческихъ журналовъ въ воспоминаніяхъ одного изъ бывшихъ кадетовъ Дворянскаго полка утвержденіе, что преданіе про Александра Гумбольта поразительно шло въ разрѣзъ съ печальной дѣйствительностью, являвшей повальное невѣжество въ кадетахъ Дворянскаго полка, отецъ мой глубоко возмущился на эту клевету, а припомнивъ въ лицѣ автора одного изъ товарищей, еле кончившихъ курсъ, легко объяснилъ себѣ причину такой клеветы.

Во всемъ отъ кадетовъ Дворянскаго полка требовался строгій порядокъ. Такъ, напримѣръ, каждый кадетъ, раздѣвшись на ночь, долженъ былъ положить свое платье въ строгомъ, разъ навсегда, для всѣхъ установленномъ порядкѣ. Каждая часть одежды должна была быть сложена и всѣ складки ея должны были быть расправлены по извѣстному образцу. Одежда кадетовъ была сложена до того сходственно у всѣхъ, что видъ каждой кучки платья казался повтореніемъ сосѣдней. Отъ кадетовъ требовали, чтобы они ложились не такъ, какъ вздумается, а тоже по предписанному образцу: на правый бокъ, положивъ лѣвую руку сверхъ одѣяла—такимъ образомъ засыпали всѣ въ одномъ положеніи. Въ спальняхъ какъ и вообще въ стѣнахъ корпуса топили скудно, одѣяла были очень тонкія и потому легко будетъ себѣ представить, какъ мерзли кадеты во время сна.

Вставъ поутру, кадетъ Дворянскаго полка, какъ и въ наше время каждый воспитанникъ военнаго учебнаго заведенія, долженъ былъ самъ опрavitъ свою постель, но опрavitъ такъ, чтобы на одѣялѣ и подушкѣ не было ни

малѣйшихъ морщинъ. Таковой же порядокъ требовался отъ воспитанниковъ Дворянскаго полка во всемъ. Эти привычки порядка, аккуратности прямо педантической, завѣшанныя строгою, требовательною школою, отецъ мой сохранилъ на всю жизнь, безъ преувеличенія, можно сказать, до самой гробовой доски. Будили кадетъ чѣмъ свѣтъ и, когда они умоются и одѣнутся, тотчасъ-же, въ однихъ курткахъ, выгоняли на воздухъ, невзирая ни на какой морозъ.

Въ программѣ Дворянскаго полка разумѣется входило также обученіе строю, ружейнымъ приѣмамъ, безупречное знакомство съ которыми требовалось, можно сказать, со строгостью Павловскаго времени, по приѣмамъ котораго маршировка въ три темпа, со сгибаніемъ колѣна, взметываніемъ ноги и вытягиваніемъ носка впередъ еще сохранялась во всей неприкосновенности, и отецъ говорилъ, что слова поэта Дениса Давыдова: «и по плацу выступалъ шагомъ журавлинымъ» являются для него необыкновенно картинно передающими ихъ маршировку въ Дворянскомъ полку. Еще труднѣе были ружейные приѣмы—держать ружье при отданіи чести и при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ полагалось вертикально лѣвою ладонью подъ затылокъ приклада стволомъ въ поле; въ этомъ послѣднемъ положеніи дуло ружья оказывалось даже не въ отвѣсномъ положеніи, а въ наклонномъ впередъ, такъ что удержать ружье отъ паденія возможно было, лишь сильно сжимая прикладъ ружья пальцами руки, на ладони которой ружье стояло. Разумѣется, при обученіи этотъ приѣмъ давался большинству съ немалымъ трудомъ и отецъ говорилъ, что даже невозможно представить себѣ, какъ уставала рука исправно держать ружье, какъ должно было напрягать ея мышцы, чтобы не выронить его продолженіе того времени какъ обучавшій ружейнымъ приѣмамъ офицеръ обойдетъ весь фронтъ выстроившихся кадетъ и добѣется отъ всѣхъ безукоризненной исправности. Отецъ рассказывалъ, что отъ напряженнаго старанія удержать ружье отъ паденія рука обыкновенно отекала такъ, что дѣлалась къ концу урока нечувствительною и только послѣ занятій обнаруживалось, какъ дорого обошелся этотъ ружейный приѣмъ. Отецъ говорилъ при этомъ, что не помнитъ случаевъ выраженія какого-либо недовольства на трудность этихъ приѣмовъ—среди кадетъ было что-то въ родѣ соревоанія въ выносливости—способностію претерпѣвать все молча гордился каждый кадетъ.

На лѣто кадетовъ Дворянскаго полка отводили въ лагеря въ Царское Село и все разстояніе отъ Петербурга до лагерей кадеты совершали пѣшкомъ. Шли они обыкновенно походнымъ порядкомъ, въ полной формѣ, во всей амуниціи, въ высокихъ киверахъ, съ ружьями и ранцами. Этотъ переходъ былъ не легокъ: тяжелые кивера иногда въ кровь растирали кожу на лбу, тяжелые ранцы давили своими ремнями плечи, натирала ногу и грубая, плохо пригнанная обувь изъ толстой кожи. Случилось однажды такъ, что во время переселенія въ лагеря всю дорогу ливня лилъ дождь и кадеты явились въ Царское Село въ платьѣ, про-

можемъ до послѣдней нитки, сплошь забрызганномъ грязью. По приходѣ въ Царское Село существовало обыкновеніе проводить кадетъ передъ террасой дворца, на которой встрѣчаль ихъ самъ Государь. Увидѣвъ кадетъ промокшими и грязными, однако, бодро марширующими мимо террасы дворца Императоръ Николай Павловичъ послѣ привѣтствія сказалъ: «Молодцы! люблю когда вы приходите такими!»

Любопытна черта представленія о чести своего званія, которая была глубоко заложена въ душахъ кадетъ Дворянскаго полка. Кадетамъ въ то время позволялось гулять въ саду царскаго дворца; тамъ были устроены для кадетъ *pas-de-geants*, горка, сѣтка и прочія приспособленія развлеченій и игръ. Однажды мой отецъ былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены: третій сынъ Императора Николая великій князь Николай Николаевичъ, будучи тогда юношею лѣтъ 16-ти, желая подшутить надъ однимъ изъ маленькихъ кадетовъ Дворянскаго полка, неожиданно поднялъ его и бросилъ въ сѣтку, сказавъ при этомъ. «Ну ступай, дворяжка!» Кадетъ вылѣзъ изъ сѣтки, оправился и, подойдя къ великому князю, съ достоинствомъ сказалъ: «Ваше Высочество, вы меня назвали дворянкой—я не дворянка, а кадетъ Дворянскаго полка!» Великій князь смутился, улыбнулся, потрепалъ по плечу кадета и сказалъ: «Простите, я не хотѣлъ васъ обидѣть!»

Тутъ-же отецъ видѣлъ и великаго князя Александра Александровича, въ послѣдствіи Императора Александра III. Онъ былъ тогда еще ребенкомъ лѣтъ шести. Это былъ на видъ плотный, крѣпкій, круглолицый, голубоглазый мальчикъ, какъ показалось, отцу, всегда державшійся вдали отъ сверстниковъ и слишкомъ мрачный и задумчивый для своихъ лѣтъ.

Вообще въ бытность свою кадетомъ Дворянскаго полка мой отецъ имѣлъ случай видѣть многихъ личностей, имѣвшихъ или пріобрѣтшихъ значеніе историческое. Тутъ мой отецъ много разъ видѣлъ самого Государя Николая Павловича, великаго князя Михаила Павловича, государя Александра II-го—тогда еще бывшаго наслѣдникомъ престола. Величавый образъ Императора Николая Павловича, будучи предметомъ всесторонняго историческаго изученія, вмѣстѣ съ тѣмъ является въ безчисленномъ множествѣ воспоминаній людей, лично знавшихъ, или видѣвшихъ его. Не мало имѣется и портретовъ кисти крупныхъ художниковъ, запечатлѣвшихъ его черты. Воспоминанія о немъ моего отца мало прибавятъ къ образу этого Государя, внимательно сохраненному исторіей. Отецъ со своей стороны упоминать не разъ, что обаятельность личности этого Государя была не передаваема. Появляясь въ стѣнахъ Дворянскаго полка, онъ сразу подчинялъ себѣ всѣ сердца и вызывалъ бурный восторгъ въ кадетяхъ. Отецъ находилъ между прочимъ, что большинство портретовъ не совсѣмъ вѣрно передаютъ выраженіе и цвѣтъ лица этого Государя. Поражавшее своею выразительностью лицо его не было настолько румянымъ, какимъ его изображаютъ на портретахъ—оно имѣло ровный, матовый цвѣтъ. Также голова Императора Николая, изображенная на многихъ портре-

тахъ чрезмѣрно большою, не была велика по росту его весьма высокому. Наоборотъ, все во внѣшности этого Государя поражало соразмѣрностью, гармоніей, величавой красотой. Упоминалъ также отецъ и о быстрыхъ движеніяхъ Государя, равно какъ и о красиво-звучномъ голосѣ его, свободной силѣ котораго мой отецъ всегда удивлялся не мало. Отмѣчалъ отецъ также и необыкновенную непретендательность въ одеждѣ этого монарха. Отецъ говоритъ, что военный скюртукъ государя казался ему опрятнымъ, но поношеннымъ, а однажды, стоя близко отъ государя, отецъ разглядѣлъ небольшую заплаточку, аккуратно наложенную на его скюртукъ.

Посѣщалъ не разъ Дворянскій полкъ и Наслѣдникъ Цесаревичъ впоследствии Александръ II-ой. Въ немъ отца поражала необычайно пріятная мягкость обхожденія, какъ показалось отцу даже съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ легкой смущаемости, которая удивительно шла къ женственно-нѣжной наружности его. Наслѣдникъ Цесаревичъ являлся часто на экзамены въ сопровожденіи ученыхъ академикомъ профессоромъ. Какъ-то разъ Наслѣдникъ явился съ знаменитымъ математикомъ Остроградскимъ, и отецъ вспоминалъ, что Наслѣдникъ относился къ маститому ученому съ какимъ-то почтительнымъ вниманіемъ, какъ бы отмѣчая этимъ свое уваженіе къ ученымъ заслугамъ его. Академикъ Остроградскій былъ между прочимъ профессоромъ-наблюдателемъ математики въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и потому кадеты Дворянскаго полка видѣли его не разъ. Мой отецъ описывалъ не разъ его величавую наружность, выраженіе глубокой мысли во всѣхъ чертахъ и важнаго спокойствія въ осанкѣ, не смущаемаго даже близостью государя. Особенно интересно описывалъ отецъ его огромный выпуклый лобъ.

Въ Дворянскомъ полку подборъ преподавателей не оставлялъ желать ничего лучшаго—Императоръ Николай Павловичъ высоко цѣнилъ заслуги ученыхъ и науку и лично былъ озабоченъ подборомъ хорошихъ преподавателей въ кадетскихъ корпусахъ столицы. Въ Дворянскомъ-же полку въ числѣ преподавателей многіе были учеными съ крупнымъ именемъ. Между прочимъ преподавателемъ исторіи былъ Ксенофонтъ Полевой, братъ историка Николая Полевого, тотъ самый Ксенофонтъ Полевой, котораго Пушкинъ такъ зло осмѣялъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ. Конечно, гениальный поэтъ имѣлъ право быть слишкомъ требовательнымъ, но отецъ мой не соглашался съ рѣзкимъ отзывомъ пушкинской эпиграммы и не разъ вспоминалъ толковое, даровитое изложеніе своего преподавателя исторіи, знаніе которой отецъ изумительно сохранялъ всю жизнь. Преподавателемъ русскаго языка въ Дворянскомъ полку, въ бытность въ немъ моего отца, былъ Введенскій, извѣстный, неподражаемый переводчикъ Диккенса. Отецъ говоритъ, что преподаваніе Введенскаго не поддавалось описанію—уроки его проходили для учениковъ, какъ мгновеніе. Введенскій умѣлъ внушить особую любовь, даже страсть къ литературѣ. Вліяніемъ этого высоко-даровитаго преподавателя отецъ и

объясняетъ то, что Дворянскій полкъ выпустилъ изъ своихъ стѣнъ цѣлый рядъ воспитанниковъ, заявившихъ о себѣ впослѣдствіи на литературномъ поприщѣ, какъ, напр: основатель и издатель газеты «Новое Время» Суворинъ, редакторъ Русской Старины—Семевскій, талантливый переводчикъ пѣсенъ Беранже—поэтъ Курочкинъ и наконецъ Драгомировъ, стяжавшій себѣ видное имя не только какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ двигателей русскаго военнаго дѣла, какъ высоко-даровитый военный писатель, но и какъ остроумный, самобытный литераторъ вообще. Суворинъ, Семевскій и Курочкинъ были одноклассниками моего отца, и отецъ говорилъ, что всѣхъ ихъ Введенскій отличалъ, какъ имѣющихъ крупныя задатки для литературной дѣятельности. Съ Суворинымъ отецъ мой и по выходѣ изъ Дворянскаго полка долго сохранялъ дружескія отношенія, цѣня въ немъ живой умъ, необыкновенное трудолюбіе и по-истинѣ желѣзную волю. Изъ эпизодовъ, рассказанныхъ моимъ отцомъ про А. С. Суворина, подтверждающихъ выносливость этого послѣдняго, слѣдующіе особенно запечатлѣлись въ моей памяти. Въ началѣ своей литературной дѣятельности, не поступившій на военную службу по выходѣ изъ Дворянскаго полка, (тогда это предоставлялось на волю каждаго), А. С. Суворинъ претерпѣвалъ большія бѣдствія и нужду. Отецъ мой, который тогда принималъ живѣйшее участіе въ немъ, высказывалъ не разъ своему пріятелю удивленіе, какъ онъ можетъ довольствоваться такимъ скуднымъ питаніемъ при напряженномъ трудѣ. Суворинъ однажды сказалъ на это отцу: «я вообще не понимаю жалобъ на скудное питаніе, вѣдь если приходится плохо, отчего не ѣсть одинъ черный хлѣбъ?» Еще отецъ рассказывалъ, что Суворинъ, живя одно время лѣтомъ въ Москвѣ, давалъ урокъ въ одномъ домѣ, на дачѣ подъ Москвою. Суворинъ, ходившій на урокъ пѣшкомъ, всю дорогу совершалъ для сохраненія обуви босикомъ, неся сапоги и надѣвая ихъ только передъ дачей, на которой давалъ урокъ. Суворинъ, по словамъ отца, замѣчалъ при этомъ, что еще не такое бѣдствіе, если, въ крайнемъ случаѣ, можно оказаться въ сапогахъ.

О Курочкинѣ отецъ рассказывалъ, что въ корпусѣ это былъ мальчикъ слабаго здоровья, тошій, малаго роста, съ непомѣрно большой головой, съ блѣднымъ, некрасивымъ, но умнымъ и выразительнымъ лицомъ, мальчикъ всегда серьезный и даже мрачный.

Драгомировъ былъ на нѣсколько классовъ старше моего отца, но, не смотря на громадное количество воспитанниковъ корпуса, отецъ хорошо зналъ Драгомирова, какъ знали его всѣ кадеты, зналъ весь Дворянскій полкъ, настолько видное явленіе представлялъ изъ себя онъ. Уже въ стѣнахъ Дворянскаго полка Драгомировъ былъ отмѣченъ всѣми: преподаватели уже въ его юношескіе годы какъ бы предвидѣли его крупную будущность, товарищи любили въ немъ мѣткаго остроумца, умѣвшаго возбуждать веселость всюду, гдѣ онъ ни появлялся, цѣнили въ немъ человека, оригинально умѣвшаго завоевать себѣ у начальства своею смѣлою находчивостью положеніе независимое и неуязвимое. Отцу какъ

и другимъ кадетамъ самъ видъ Драгомирова представлялся обаятельнымъ необычайно: не будучи отъ природы красивымъ, онъ по словамъ отца какъ-то умѣлъ показаться таковымъ. Съ глубокой признательностью вспоминалъ отецъ своихъ преподавателей: законоучителя Рождественскаго и преподавателя географіи извѣстнаго географа Павловскаго. Первый былъ истиннымъ пастыремъ вѣрнопоймъ ему юной паствы, отличаясь выдающеюся ученостію, увлекательнымъ талантомъ оратора и глубокой вѣрой въ Бога, онъ умѣлъ проникать въ самые сокровенные тайники душъ своихъ учениковъ. Преподаватель Павловскій поражалъ мѣткостію своихъ самостоятельныхъ научныхъ выводовъ и способностью привести въ органическую связь географическія свѣдѣнія, вообще кажушіяся многимъ способными остаться въ головѣ лишь черезъ процессъ памяти. Два изъ его многочисленныхъ мѣткихъ вывода, сказанныхъ за урокомъ, отецъ какъ-то особенно любилъ вспоминать. Проходили губерніи по Волгѣ. Павловскій дѣлалъ очеркъ этихъ губерній. Дойдя до Симбирской, тогда охватывавшей нынѣшнія двѣ губерніи Симбирскую и Самарскую, Павловскій замѣтилъ: я убѣжденъ, что Симбирская губернія скоро въ виду удобства управления будетъ разбита на двѣ. Предсказаніе географа сбылось: Симбирская губернія была раздѣлена на двѣ: Симбирскую и Самарскую. Говорилъ Павловскій медленно, не многословно, но вѣско по внутреннему смыслу, заключавшемуся въ словахъ, тщательно избѣгая въ своемъ преподаваніи какой бы то ни было мишуры. Любопытно еще одно соображеніе географа Павловскаго, имѣющее уже болѣе цѣнность для историка. Проходя Соединенные Штаты. Павловскій невольно долженъ былъ упомянуть о враждѣ сѣверныхъ штатовъ съ южными, предсказавъ неизбѣжность войны между тѣми и другими. Павловскій былъ далекъ отъ мысли объяснять заступничество Сѣверныхъ Штатовъ за негровъ однимъ альтруизмомъ, но болѣе склонялся къ объясненію этого выступленія необходимостью экономической: Сѣверные Штаты, пользуясь наемнымъ трудомъ, имѣли пагубнаго промышленнаго конкурента въ лицѣ Южныхъ Штатовъ, пользующихся даровымъ трудомъ.

Восторженно отзывался отецъ и объ академикѣ Савичѣ, тоже одномъ изъ преподавателей въ Дворянскомъ полку. Извѣстный ученый астрономъ, крупный математикъ и географъ, съ виду маленькій невзрачный старичокъ, академикъ Савичъ весь какъ бы ушелъ въ науку, въ самого себя; какъ истый ученый, совершенно равнодушный къ суетнымъ мнѣніямъ толпы, чуждый какого бы то ни было тщеславія, онъ отличался полнымъ равнодушіемъ къ своей вѣщности, пренебреженіемъ къ своему туалету. Отецъ вспоминалъ не разъ и его поношенный сюртучокъ, узко стянутый на груди, какъ бы сшитый не по немъ, и его почему-то широкія, но невѣроятно короткія брюки, которыя не доходили до полу, обнаруживая не важно вычищенные сапоги. Все это могло бы сдѣлать его смѣшнымъ въ глазахъ учениковъ, но никто изъ нихъ не позволялъ себѣ ни малѣйшей насмѣшки надъ нимъ—такое уваженіе онъ умѣлъ сразу внушить къ себѣ

своими глубокими знаніями, своею серьезностью и прекрасной душой.

Воспоминаніямъ объ академикѣ Савичѣ мой отецъ даже удѣлялъ первое мѣсто; вѣроятно, потому что математика всегда была любимѣйшей его наукой. По отзывамъ одного товарища отца способности моего отца къ этой точной наукѣ были исключительны и отецъ самъ не отрицалъ, что математика ему давалась съ удивительной легкостью; ему не было никакой надобности просматривать къ уроку заданный отдѣлъ—онъ все усваивалъ вполнѣ въ классѣ и при объясненіи преподавателемъ онъ уже въ началѣ математическаго вывода зналъ его конецъ. Отецъ мой любилъ математику страстно и любовь къ этой точной наукѣ сохранилъ на всю жизнь. Увлекаясь ею безмѣрно, впоследствии подъ Севастополемъ, во время обороны его онъ однажды наканунѣ сраженія въ походной палаткѣ такъ зачитался однимъ сочиненіемъ по высшей математикѣ, что даже взялъ его на другой день съ собою въ бой. Вообще прилежаніе отца при изученіи знаній было невѣроятно даже и въ школьномъ возрастѣ, въ прилежаніи его было что-то недѣтское. Такъ, напримѣръ, въ часы отдыха отецъ рѣдко рѣзвился съ товарищами, но употреблялъ все время на заучиваніе иностранныхъ словъ, выписанныхъ имъ въ особую, нарочно заведенную для этого тетрадочку, которую онъ всегда имѣлъ при себѣ и которую было бы легко при приближеніи начальства спрятать въ карманъ. Одинъ случай чрезмѣрнаго усердія навлекъ даже на мальчика неудовольствіе начальства. Дѣло въ томъ, что отецъ бралъ эту тетрадочку даже въ церковь и тамъ продолжалъ заучивать слова во время богослуженія. Одинъ изъ воспитателей-офицеровъ замѣтилъ странное занятіе мальчика и, объяснивъ ему неумѣстность его прилежанія, отобралъ роковую тетрадочку, что не помѣшало мальчику завести такую же новую.

Отецъ мой проявлялъ еще недюжинныя способности къ рисованью и учитель рисованія въ Дворянскомъ полку, знаменитый портретистъ Зырянко, полагалъ даже, что изъ мальчика выйдетъ художникъ, но предположенія художника не оправдались: страстно увлекавшійся сухой наукой—математикой, отецъ мой оставался совершенно равнодушнымъ къ своимъ успѣхамъ въ живописи.

Усердіе и большія способности моего отца сдѣлали то, что въ одномъ изъ первыхъ классовъ изъ 200 учениковъ (тамъ было нѣсколько параллельныхъ отдѣленій)—мой отецъ былъ первымъ. Впоследствии дурное питаніе, климатъ сѣвера, пагубный для южанъ, разстроили здоровье моего отца и онъ нѣсколько понизился въ успѣхахъ. Все-же онъ долженъ былъ быть выпущенъ въ гвардію и лишь одинъ злополучный случай помѣшалъ этому. Дѣло было такъ: во второмъ уже спеціальному классѣ (два спеціальныхъ класса Дворянскаго полка соответствовали курсу современныхъ военныхъ училищъ) какъ-то разъ преподаватель не явился на урокъ. Въ освободившійся такимъ образомъ часъ было рѣшено занять кадетъ черченіемъ. Кадеты, будучи истомлены до крайности обязанностями научными и строевыми, истощенные дурнымъ питаніемъ, имѣя несоразмѣрное

количество заданныхъ уроковъ, отказались чертить. Вызванъ былъ дежурный кадетъ по классу — дежурнымъ оказался мой отецъ. Отцу моему приказали назвать зачинщиковъ, угрожая въ противномъ случаѣ строго карою. Отецъ отказался наотрѣзъ. Въ видѣ кары за ослушаніе отцу предложили выбрать одно изъ двухъ: или быть оставленнымъ на другой годъ въ томъ же классѣ или же быть выпущеннымъ въ армію вмѣсто гвардіи—отецъ предпочелъ послѣднее. Мысль получить отпускъ по выходѣ изъ корпуса, скорѣе увидать родную семью играла не малую роль въ этомъ рѣшеніи; еще бы! вѣдь отъ самаго поступленія въ Дворянскій полкъ вплоть до выпуска въ офицеры онъ не покидалъ стѣнъ его! Радость свиданія съ матерью, отцомъ, сестрами, братьями и съ дядькою, вынянчившимъ его, не поддается описанію. Дядька его—суровый съ виду николаевскій солдатъ, обладалъ сердцемъ нѣжнымъ и привязчивымъ—съ мгновенія этой встрѣчи со своимъ воспитанникомъ не покидалъ уже его до самой своей смерти, раздѣливъ съ моимъ отцомъ даже трудности севастопольской кампаніи и вездѣ охраняя съ материнскою горячностью интересы отца—типъ давно исчезнувшій изъ быта русской жизни, типъ—столь ярко и трогательно очерченный Пушкинымъ въ лицѣ дядьки Савельича въ безсмертной повѣсти гениальнаго поэта «Капитанская дочка». Одинъ маленькій эпизодъ, рассказанный моимъ отцомъ про его вѣрнаго дядьку Осипа, врѣзался у меня въ памяти особенно ярко. Послѣ севастопольской кампаніи, уже будучи въ числѣ офицеровъ слушателей Академіи Генеральнаго Штаба, отецъ мой часто созывалъ къ себѣ товарищей по Академіи. Однажды, созвавъ пріятелей, отецъ по обыкновенію вышелъ за перегородку занимаемаго имъ номера, чтобы послать Осипа за закускою къ ужину. Осипъ отказался наотрѣзъ и прибавилъ, наставительно обращаясь къ отцу: «Ничего тебѣ мотать деньги, давно-ли собиралъ гостей—гости извѣстно рады лакомиться надаровщинку—имъ что ни поставь все подѣдятъ!» Перегородка была тонкая и гости,—были товарищи отца, должны слышать отзывъ стараго дядьки о гостяхъ. Отецъ, смущенный до крайности, сказалъ:

— Осипъ, ты меня срамишь—вѣдь гости все слышатъ! Иди сейчасъ-же!

— Не пойду!—стоялъ на своемъ старикъ.

— Ну, ты дуракъ!—не вытерпѣлъ, наконецъ, отецъ, обычно утонченно мягкій въ обращеніи съ прислугою.

— Самъ ты дуракъ!—сдалъ сдачи старый дядька.

Любопытно, что товарищи отца, которые, разумѣется, слышали весь разговоръ, пришли въ восторгъ отъ преданности интересамъ своего барина стараго слуги.

Я помню этого Осипа; дядька отца, когда-то замѣнявшій ему няньку, въ раннемъ моемъ дѣтствѣ, иногда водилъ меня гулять, замѣнялъ на прогулкахъ мнѣ таковую. Съ виду это былъ типичный николаевскій солдатъ—сѣдые волосы короткою густою щеткою, необычайно густыя, нависшія

и всегда нахмуренныя брови, сдвинутыя какъ бы въ застывшую морщину на переносѣ, пышныя сѣдые бакенбарды, мрачный, строгій взглядъ— все это придавало ему видъ важный, непрístupный; но подъ непривѣтливой внѣшностью онъ скрывалъ душу дѣтски-чистую, сердце нѣжное и привязчивое, до самозабвенія любившее всѣхъ насъ, замѣнявшихъ ему родную давно забытую семью. Участникъ многихъ войнъ, между прочимъ русско-турецкой войны 29-го года, вода меня гулять, онъ часто рассказывалъ мнѣ многое изъ стараго военного быта и своей боевой жизни, вѣроятно. имѣющее даже цѣнность историческую, но я была слишкомъ молода, чтобы оцѣнить его рассказы съ этой стороны.

Изъ Дворянскаго полка отецъ мой былъ выпущенъ въ артиллерию, въ одну изъ бригадъ, стоявшихъ на сѣверномъ Кавказѣ. Бригада вскорѣ была двинута къ Севастополю, уже угрожаемому непріателемъ.

Отецъ мой провелъ цѣлую зиму въ походной палаткѣ на такъ наз. сѣверной сторонѣ на берегу бухты, въ виду Графской пристани, но ему ежедневно приходилось бывать въ самомъ Севастополѣ по дѣламъ службы. Перезимовать въ палаткѣ было не легко, особенно если принять въ соображеніе, что зима была довольно суровая. Офицерамъ приходилось помѣщаться втроемъ въ обыкновенной лагерной палаткѣ, спать не раздѣваясь на землѣ, подославъ подъ себя немного соломы, которая намокала во время мокропогодія. Отъ грязи заводились въ одеждѣ всевозможные паразиты; словомъ, приходилось испытывать всѣ условія военной стоянки—хорошо извѣстныя въ наше боевое время. Въ такихъ условіяхъ штабнымъ офицерамъ (отецъ мой былъ прикомандированъ къ штабу) приходилось работать надъ бумагами. Столы замѣняли доски, которыя держали на колѣняхъ. Ложиться приходилось рано, вставать съ разсвѣтомъ, потому что работали, пользуясь исключительно дневнымъ свѣтомъ.

Однажды, вставъ поутру отецъ услышалъ величавый гулъ — это началась канонада непріятельскихъ и русскихъ орудій; не было слышно ни ружейныхъ залповъ, ни грохота отдѣльных орудій—звуки ихъ «слились въ протяжный вой»... Взрывы пороховыхъ складовъ отъ попаданія въ нихъ непріятельскихъ снарядовъ одни разнообразили этотъ гулъ. Уже къ двѣнадцати часамъ дня свѣтъ дневной померкъ отъ дыма, солнце казалось краснымъ пятномъ.... Бухта предстала какъ бы кипящею отъ попадавшихъ въ нее снарядовъ.... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ разсматривая въ Севастополѣ грандіозную панораму его обороны и картину Айвазовскаго, изображающую севастопольскую бухту во время обороны, отецъ обратилъ вниманіе на то, что бухта въ обоихъ случаяхъ изображена слишкомъ покойною—бухта въ дѣйствительности одно время буквально кипѣла. Нашелъ отецъ нѣкоторое несоотвѣтствіе правдѣ и въ изображеніи боя на бастіонахъ—въ дѣйствительности бой являлся гораздо болѣе

кровавымъ, нѣкоторые бастионы были почти буквально залиты кровью и завалены трупами...

Отецъ участвовалъ въ сраженіяхъ Балаклавскомъ, Инкерманскомъ и при Черной рѣчкѣ. Въ Балаклавскомъ бою, находясь на высотѣ при батарее, онъ видѣлъ какъ въ панорамѣ стремительную атаку Кардигана, коей имѣлъ возможность прослѣдить почти весь путь. Видѣлъ, какъ пронеслась долиною его блестящая кавалерійская бригада, какъ она врѣзалась въ стрѣлковыя цѣпи нашей пѣхоты и какъ плачевно окончилось для нее ея безумное выступленіе. Какъ очевидецъ событія, отецъ не соглашался съ исторіей, признавшей ея большой первоначальный успѣхъ. Въ этомъ парадномъ маршѣ-маршѣ было, по его оцѣнкѣ, много блеску, но мало смыслу. Какъ выражался отецъ, эта атака явилась отрицательнымъ примѣромъ безумной отваги, сдѣлала на него впечатлѣніе чего-то дикаго, нелѣпаго: Кардиганъ пронесся со своею частью какъ сумашедшій по открытой мѣстности, среди долины какъ будто только за тѣмъ, чтобы его жестоко побили—попавъ подъ обстрѣлъ нашей артиллеріи, онъ сразу сталъ терпѣть большой уронъ—успѣшное дѣйствіе такъ вдохновило нашихъ артеллеристовъ, что многіе офицеры, отстраняя наводчиковъ сами стали направлять орудія, которыя своимъ мѣткимъ огнемъ сразу внесли разстройство и смятеніе въ ряды бѣшено несущихся всадниковъ — все представлялось «какъ на ладонкѣ» и было видно какъ эти всадники одинъ за другимъ начали валиться съ лошадей.....

Назначенный адъютантомъ къ начальнику оборонительной артиллеріи генералу Кишинскому, въ штабѣ князя Меншикова, отецъ мой побывалъ съ нимъ въ Инкерманскомъ бою. Печальный исходъ этого сраженія извѣстенъ исторіи. Отецъ не разъ высказывалъ наблюденіе: настроеніе въ началѣ боя какъ бы предвѣщаетъ его конецъ,—какъ показалось отцу, передъ Инкерманскимъ боемъ настроеніе было неважное. Ночь въ канунъ боя войска провели на высотахъ. Ночь выдалась исключительно холодная, рѣдкая въ крымскомъ октябрѣ. отъ стужи, усиливаемой вѣтромъ, офицеры и солдаты почти не спали. Отецъ упоминалъ, что онъ не могъ заснуть ни на мгновеніе; тщетно кутался онъ въ широкую, но холодную шинель, ноги и руки его буквально заковенѣли. Съ разсвѣтомъ войска зашевелились; спуская съ высоты колонны повели въ бой—эти колонны проходили одна за другой мимо штаба, расположеннаго на высотѣ. Отецъ, который видалъ не разъ войска, направляемая въ бой, на этотъ разъ невольно обратилъ вниманіе на исключительно мрачное настроеніе солдатъ: выраженіе всѣхъ лицъ было сосредоточено и сурово. Спускаясь въ долину, гдѣ они должны были принять бой, солдаты какъ по командѣ начинали дружно креститься и отецъ припоминалъ, какъ ему пришло въ голову, что многіе изъ нихъ не вернуться назадъ. Съ высоты, на которой былъ расположенъ штабъ, было видно ясно, какъ эти колонны одна за другой вступали въ область огня. Стройно шедшая колонна вдругъ начинала оставлять за собой отдѣльные свѣтлыя по-

доски—это были убитые и раненые, распростертыя на землѣ, солдаты, выхваченные пулею или осколкомъ гранаты изъ рядовъ товарищей продолжавшихъ бодро шагать впередъ.

Еще одно частное происшествіе мрачно отмѣтилъ въ воспоминаніяхъ отца Инкерманскій бой,—происшествіе, тогда склонившее его къ вѣрѣ въ какой-то таинственный рокъ. Наканунѣ Инкерманскаго сраженія къ нимъ въ штабъ былъ присланъ изъ Петербурга нѣкто Комстадіусъ—молодой гвардейскій артиллерійскій офицеръ. Высокій, стройный, красивый, прекрасно воспитанный и образованный, полный горячаго стремленія послужить родинѣ—онъ сразу расположилъ къ себѣ сердца всѣхъ. Начальникъ оборонительной артиллеріи назначилъ прибывшаго къ себѣ въ адъютанты и, располагая уже однимъ адъютантомъ, моимъ отцомъ, предложилъ прибывшему въ Севастополѣ переждать до конца Инкерманскаго сраженія. Комстадіусъ, видимо, былъ этимъ страшно огорченъ и упрасивалъ своего начальника взять его съ собою въ бой.

Генералъ Кишинскій, старый кавказскій генералъ, посѣдѣвшій въ болахъ, сказалъ ему:

— Все это хорошо—вашъ порывъ прекрасенъ, но знаете-ли, молодой человекъ, что я вамъ скажу: въ нашей многолѣтней службѣ мы привыкаемъ вѣрить одному предрасудку, которому вы, можетъ быть, только посмѣтеть—никогда не надо напрашиваться въ бой, ждите, когда васъ назначать!

Молодой храбрець стоялъ на своемъ и начальникъ уступилъ его просьбѣ. На другой день выѣхалъ на позицію и весь штабъ арміи съ кн. Меншиковымъ въ главѣ. Мой отецъ и Комстадіусъ, какъ адъютанты генерала Кишинскаго, находились тутъ же верхомъ на лошадяхъ въ ожиданіи приказаній своего начальника. Бой закипѣлъ: загудѣли ядра, засвистали пули и весь штабъ, находившійся на высотѣ на открытой мѣстности, оказался подъ обстрѣломъ врага. Внезапно одно ядро упало на землю какъ разъ подъ брюхомъ лошади генерала Кишинскаго и, контузивъ ему ногу, но не причинивъ вреда его лошади, сдѣлало рикошетъ надъ головой моего отца, не задѣвъ его ни мало. Спустя нѣсколько мгновеній Коматадіусъ пронзительно взвизгнулъ. Страшный визгъ удивилъ отца, потому что въ бою стоны и крики раненыхъ рѣдко бываютъ слышны, будучи заглушены гудѣніемъ ядеръ и свистомъ пуль—о нихъ можно бываетъ догадаться лишь по страданію, вызванному измѣненіемъ чертъ лица. Но Комстадіусъ вскрикнулъ такъ громко, что крикъ его былъ слышенъ. Вскрикнувъ, онъ сталъ, какъ показалось отцу, медленно и осторожно слѣзать съ лошади. Отецъ мой поспѣшно соскочилъ съ лошади и бросился было на помощь раненому.

— Оставьте его, онъ убитъ!—сказалъ моему отцу его начальникъ, посѣдѣвшій въ бояхъ.

Точно—Комстадіусъ былъ убитъ наповаль, пораженный пулею или осколкомъ снаряда прямо въ сердце...

Тотъ же рокъ, который сразилъ Комстадіуса, хранилъ моего отца. Отецъ разсказывалъ, что онъ испыталъ страхъ лишь въ началѣ перваго боя; далѣе убѣдившись, что непріятельскіе выстрѣлы не причиняютъ ему вреда, онъ совершенно забывалъ про опасность, испытывая страхъ лишь по временамъ въ рѣдкихъ случаяхъ и весьма слабой степени; онъ какъ бы увѣровалъ въ свою неуязвимость для снарядовъ и пуль вражескихъ—правда въ этомъ же Инкерманскомъ бою онъ былъ слегка раненъ въ ногу, но почелъ рану настолько неопасною, что даже не покинулъ строя для перевязки ея и, вовсе умолчавъ о ней, исправлялъ какъ ни въ чемъ не бывало свои обязанности. Эта рана, разумѣется, не была занесена и въ послужной списокъ моего отца и мы его дѣти, узнали о ней совершенно случайно: года за два передъ смертью моего отца у него заболѣли ноги; позванный къ отцу докторъ замѣтилъ на одной его ногѣ, нѣсколько ниже колѣна, слѣды старой раны, рубцы которой еще не сгладились вполнѣ; тутъ отецъ намъ разсказалъ, гдѣ онъ получилъ ее. Вообще отецъ всегда переносилъ самыя сильныя физическія страданія безъ малѣйшаго обнаруженія ихъ. За отличіе въ Инкерманскомъ сраженіи отецъ мой былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ. Я не знаю навѣрное, что заслужило ему это отличіе, но во время Инкерманскаго боя онъ выполнилъ одно порученіе, дѣйствительно сопряженное съ немалою опасностью. Дѣло въ томъ, что начальникъ оборонительной артиллеріи Кишинскій, разумѣется прекрасно освѣдомленный о неважной снабженности военными припасами нашихъ войскъ, наблюдая сильный огонь, открытый по непріятелю нашею артиллеріей, уже къ срединѣ боя убѣдился, что снарядовъ не должно хватить до конца сраженія. Онъ поручилъ моему отцу, своему адъютанту, объѣхать всю боевую линію съ приказаніемъ поберечь снаряды. Отецъ объѣхалъ всю боевую линію по открытымъ возвышенностямъ подъ градомъ снарядовъ и пуль и ни одинъ осколокъ снаряда, ни одна пуля не задѣли его, что окончательно утвердило вѣру моего отца въ свою безопасность. Увы! его порученіе почти не имѣло результатовъ: рѣдко гдѣ удавалось ему убѣдить въ необходимости экономіи снарядовъ, почти на всѣхъ позиціяхъ адъютанта, присланнаго изъ штаба арміи съ приказаніемъ отъ самого начальника оборонительной артиллеріи, встрѣчали бранью, на которую отецъ не обижался, потому что ясно видѣлъ тяжелое положеніе нашихъ въ этомъ бою, тщетно пытавшихся отстоять себя противъ численно превосходнаго и неизмѣримо лучше вооруженнаго врага—зло, отъ котораго, какъ извѣстно, мы уже страдали не разъ.

Плохое вооруженіе нашей арміи принялъ близко къ сердцу, въ бытность свою подъ Севастополемъ и Л. Н. Толстой. Отецъ мой, знавшій лично Л. Н. Толстого и встрѣчавшійся съ нимъ впоследствии, встрѣтился съ нимъ въ первый разъ подъ Севастополемъ по весьма любопытному случаю. Графъ Л. Н. Толстой, уже стяжавшій себѣ славу первымъ своимъ произведеніемъ «Дѣтство и Отрочество», былъ тогда простымъ артиллерійскимъ офицеромъ. Въ то время онъ еще не имѣлъ поползновенія проповѣдывать всеобщее разоруженіе и непротивленіе злу, и горячо сочувствовалъ нашимъ воин-

скимъ успѣхамъ. Скорбя о плохомъ вооруженіи нашемъ, онъ представилъ въ штабъ арміи проектъ, долженствовавшій, по его мнѣнію, усилить дѣйствіе нашего огня. Свой проектъ Л. Н. Толстой подалъ самому князю Меншикову. Этотъ послѣдній передалъ его на разсмотрѣніе генералу Кишинскому. Кишинскій, будучи заваленъ дѣлами, поручилъ разсмотрѣть проектъ Л. Н. Толстого моему отцу, въ основательныхъ военныхъ знаніяхъ котораго имѣлъ случай убѣдиться не разъ. Тутъ будетъ умѣстно упомянуть, каковъ былъ этотъ проектъ. Надо замѣтить, что тогда ружья союзной арміи давали дѣйствительный огонь на тысячу шаговъ, тогда какъ наши лишь на триста. Нетрудно такимъ образомъ понять, сколь легко было непріятелю въ такихъ условіяхъ наносить намъ уронъ и какъ трудно было обороняться намъ. Дабы возмѣститъ сравнительную недальнобойность нашихъ ружей Л. Н. Толстой предложилъ слѣдующее: вывозить въ стрѣлковыя цѣпи орудья нашей легкой артиллеріи и ими наносить соотвѣтствующій вредъ врагу. Отецъ, ознакомясь внимательно съ военнымъ проектомъ будущаго великаго писателя, посмотрѣлъ на его проектъ какъ на тактическій парадоксъ, найдя совершенно непріемлемымъ средство, предлагаемое имъ. Дѣйствительно: легко себѣ представить, что должно было стать съ лошадьми и прислугой при орудьяхъ, вывезенныхъ въ стрѣлковыя цѣпи подъ близкій огонь врага. Отецъ объяснилъ Толстому всю непрактичность его проекта и любопытно, что Толстой, чуждый ложнаго самолюбія, вполне согласился съ моимъ отцомъ. Впослѣдствіи отецъ мой встрѣчался съ Л. Н. Толстымъ не разъ и при отношеніяхъ вполне дружественныхъ.

Несогласенъ былъ мой отецъ съ Л. Н. Толстымъ относительно нецѣлесообразности боя при Оедюхиныхъ высотахъ, когда Л. Н. Толстой написалъ на это сраженіе свой стихотворный памфлетъ:

«Какъ 4-го числа
Насъ нелегкая несла
Горы занимать»...

Наоборотъ: отецъ говорилъ, что попытки къ вылазкамъ всегда полезны для обороняющихся, нужды нѣтъ, что не всѣ бывають удачны изъ нихъ. Единственно въ чемъ отецъ былъ согласенъ съ памфлетомъ Толстого это—въ его оцѣнкѣ Реада, какъ весьма малоспособнаго генерала, но отецъ находилъ, что жестоко осмѣивать героя, своею гибелью поддержавшаго свою воинскую честь! Въ чемъ также отецъ не противорѣчилъ стихотворенію Толстого въ его оцѣнкѣ боя 4-го августа, это въ томъ, что былъ весьма печаленъ его исходъ—отецъ хранилъ объ этомъ боѣ воспоминаніе, какъ о боѣ ужасномъ, кровавомъ... Вмѣстѣ съ перемѣной командованія арміей, съ замѣной князя Меншикова Горчаковымъ отецъ уже былъ опять у себя въ батарееѣ и при батарееѣ участвовалъ въ бою «четвертаго числа». Отецъ рассказывалъ, что бой этотъ былъ жестокъ; фронты были сближены настолько, что отецъ видѣлъ не разъ вполне ясно, какъ пущенные нами снаряды вырываютъ отдѣльныхъ людей изъ рядовъ нашего врага. Батарея, при

которой былъ мой отецъ, нещадно терпѣла отъ потери прислуги. Два эпизода, рисующихъ ужасы этого боя особенно ярко рассказывалъ намъ отецъ. У орудія, при которомъ былъ отецъ, работалъ рослый, статный банщикъ (тогда до введенія скорострѣльныхъ орудій послѣ каждого выстрѣла приходилось прочищать ихъ такъ наз. банникомъ). Ловкій парень бодро, лихо работалъ своимъ банникомъ; вдругъ отецъ былъ удивленъ внезапнымъ, мгновеннымъ исчезновеніемъ этого молодца—лежавшая неподалеку кучка какого-то тряпья, изъ которой торчало подобіе рукъ и ногъ, сразу объяснила все дѣло моему отцу... Немного спустя, несмотря на страшный ревъ орудій и трескотню ружій, отецъ услышалъ позади себя раздрающій душу стонъ: обернувшись отецъ увидѣлъ раненаго, торопливо ползущаго на рукахъ, который, переступая имп, тащилъ за собою всю нижнюю часть туловища, изувѣченную и раздробленную гранатой, свалывшуюся съ грязью и превратившуюся въ длинный кровавый хвостъ, оставившій послѣ себя на землѣ темно-красный слѣдъ. Раненый былъ ужасенъ: онъ дико вопилъ, умоляя пришибить его. Судьба сжалилась надъ нимъ: новая граната, попавшая ему прямо въ спину, прекратила его страданія и жизнь.

Еще одинъ эпизодъ, чуть не стоившій жизни моему отцу: непріятельскій снарядъ попалъ въ ящикъ съ гранатами, на подножкѣ котораго стоялъ мой отецъ, провѣряя число оставшихся; предвидя воспламененіе ящика и взрывы гранатъ, помня наставленіе военной науки, отецъ бросился ничкомъ на землю. Точно, гранаты начали взрываться, но взрывомъ взметали свои осколки снопами вверхъ и осколки высоко перелетали черезъ лежащаго на землѣ отца, не причиняя ему вреда. Но, вѣроятно, отецъ обчелся, ибо едва лишь онъ всталъ на ноги, какъ воспослѣдовалъ взрывъ новой гранаты, но, по счастью, ни одинъ изъ взлетѣвшихъ ея осколковъ не задѣлъ его.

Отецъ вспоминалъ и могучій ураганъ, разыгравшійся въ началѣ осады и причинившій много злоключеній намъ и нашимъ противникамъ—многія ихъ суда были потоплены имъ. Обладая прекраснымъ зрѣніемъ, отецъ хорошо могъ рассмотреть, какъ качало непріятельскія суда — ихъ палубы становились подъ такимъ угломъ, что даже казалось страннымъ, какъ они не потопли всѣ. Палатку, въ которой спалъ отецъ, сразу снесло налетѣвшимъ ураганомъ и не было никакой возможности подняться на ноги—черепицы съ кровель носились въ воздухѣ, какъ соломины.

Отецъ былъ свидѣтелемъ и того, какъ мы затопили наши собственные корабли, заграждая ими отъ непріятели севастопольскій рейдъ, видѣлъ какъ плакали старые матросы, проведеніе на нихъ чуть-ли не всю жизнь; да и нельзя было не плакать тому, рассказывалъ отецъ, кто видалъ, какіе были эти корабли красавцы: ихъ кузова казались какой-то изящно раскрашенной, гигантской, выточенной какъ дорогая мебель игрушкой, представлявшей образецъ архитектурнаго вкуса; чистота на нихъ была прямо изумительная и среди экипажей этихъ судовъ было что-то въ родѣ соревнованія исправностью своего карабля, и матросы мели и чистили свои корабли съ утра до ночи.—А что могло сравниться съ красотой линейнаго карабля,

когда, идя на всѣхъ парусахъ, этотъ гигантъ, слегка накренясь, величаво скользилъ по волнамъ!—разсказывалъ отецъ. Выучка же командъ не подавалась описаніямъ!..

Тутъ будетъ умѣстнымъ упомянуть взглядъ отца на долгосрочныхъ солдатъ прежняго времени. Отецъ говорилъ не разъ, что съ прежними долгосрочными солдатами нынѣшнихъ невозможно и сравнивать: послѣдніе походятъ на нихъ какъ любители на истыхъ мастеровъ своего дѣла. Правда, иные изъ сѣдыхъ усачей къ концу служебнаго срока начинали дряхлѣть, но за то они были такъ пропитаны этою службою, что ихъ опытъ съ избыткомъ вознаграждалъ сравнительный недостатокъ силъ—опытъ ихъ былъ таковъ, что не было надобности объяснять имъ что-либо: они знали все сами напередъ. О преданности же ихъ дѣлу и сознаніи своего долга, нѣтъ надобности и упоминать: они сживались съ мыслию, что принадлежатъ войнѣ.

Разсказывалъ также не мало отецъ о казакахъ-пластунѣхъ, поражавшихъ его своими отчаянными и ловкими продѣлками. Большинство изъ нихъ были съ Кавказа: закаленные въ постоянной борьбѣ съ горцами, они, какъ и эти послѣдніе, какъ бы сживались съ войной; въ грязныхъ изодранныхъ черкескахъ, но увѣщенные дорогимъ оружіемъ, своимъ видомъ они невольно приводили на память отцу слова Лермонтова, сказанныя имъ про Казбича: «бешметъ всегда изорванный, въ заплатѣхъ, а оружіе въ серебрѣ!» Отецъ видѣлъ ихъ не разъ въ дѣлѣ и поражался ихъ постигнѣ змѣиному умѣнію ползать, ловкости, съ которой они умѣли «снимать» сторожевые посты, такъ, что не пикнетъ ни одинъ изъ враговъ, и не только острота зрѣнія, но и чуткость слуха ихъ была прямо изумительна: иные изъ нихъ палили по слуху почти безъ промаха. Одинъ кубанскій казакъ-пластунъ даже разсказывалъ отцу, какъ онъ однажды поплатился за эту свою чуткость: на Кубани забрался онъ однажды въ камыши и сталъ прислушиваться—въ камышахъ шорохъ, выпалилъ изъ своей винтовки на шорохъ и вдругъ раздался крикъ; пошелъ въ сторону крика и увидѣлъ убитаго на повалъ своего родного отца: «Я думалъ, що то кабанъ, а то мій батько бувъ» хладнокровно добавлялъ пластунъ.

Какъ мы уже упоминали, отецъ видѣлъ всѣхъ славныхъ дѣятелей обороны, видѣлъ Карнилова, Истомина, Нахимова и проч. и не разъ бывалъ у нихъ по порученіямъ... Неизгладимое впечатлѣніе дѣлала на него внѣшность Нахимова, всегда сосредоточеннаго, углубленнаго въ себя: коренастый, могучій тѣлосложеніемъ, онъ обладалъ и такимъ же могучимъ духомъ. Отецъ находить, что памятникъ, поставленный ему въ Севастополѣ у Графской пристани, совершенно вѣрно передетъ выраженіе его лица—такъ и въ дѣйствительности, сколько отецъ ни видѣлъ его—онъ вѣчно казался всматривающимся задумчиво въ даль—отецъ лишь жалѣлъ, что скульпторъ мало отмѣтилъ характерную привычку Нахимова носить фуражку нѣсколько сдвинутую на затылокъ, равно какъ и о томъ, что изображенъ Нахимовъ слишкомъ сухощавымъ и рослымъ.

Ближе всѣхъ отецъ зналъ самого князя Меншикова, такъ какъ Кишин-

скій то и дѣло посылалъ къ нему съ донесеніями моего отца. Князь Меншиковъ производилъ на отца каждый разъ впечатлѣніе обаятельное—стройный, несмотря на свой возрастъ, утонченно-изящный и благовоспитанный, онъ, по словамъ отца, съ удивительнымъ тактомъ умѣлъ нести свое высокое положеніе. Въ тѣ времена не было случая, чтобы начальникъ являющагося къ нему съ донесеніемъ пригласилъ сѣсть и обыкновенно начальникъ сидя выслушивалъ своего стоящаго подчиненнаго. Отецъ рассказывалъ, что князь Меншиковъ, какъ истый джентльменъ и аристократъ, при появленіи моего отца вставалъ и весь докладъ, иногда длинный, выслушивалъ стоя, дабы адъютантъ не чувствовалъ своего нѣсколько унижительнаго положенія. Правда, судя по отрывочнымъ замѣчаніямъ отца, князь Меншиковъ особенно отличалъ моего отца. Расположеніе князя Меншикова къ моему отцу началось съ одного маленькаго эпизода, про который отецъ умалчивалъ, но который въ дѣтствѣ я слышала рассказаннымъ при мнѣ нѣкимъ княземъ Голицынымъ, бывшимъ подъ Севастополемъ адъютантомъ князя Меншикова, когда-то пріятелемъ моего отца. Работа въ штабѣ арміи подъ Севастополемъ буквально кипѣла, не давая покоя ни ночью, ни днемъ. Князь Голицынъ рассказывалъ, что одно время, всѣ какъ говорится, прямо сбились съ толку, а противорѣчивость же донесеній не поддавалась описаніямъ. Явившись однажды въ штабъ начальника оборонительной артиллеріи, обыкновенно исправный, князь Меншиковъ нашель тамъ ту же безурядицу. Къ его удивленію адъютантъ Кишинскаго, мой отецъ, такъ стройно и систематично изложилъ всю сумму донесеній, столь дѣловито разобралъ громадный сбивчивый матеріалъ, столь разумно изъяснилъ возникшія въ немъ противорѣчія, что князь Меншиковъ сразу отмѣтилъ смышленаго и дѣловаго адъютанта. «Гдѣ вы достали такого молодца?»—сказалъ онъ, обращаясь къ генералу Кишинскому. Любопытно, что все донесеніе отцу пришлось сдѣлать возлѣ походной палатки, разложивъ всѣ бумаги прямо на землѣ, стоя на одномъ колѣнѣ, имѣя на другомъ на доскѣ бумагу, на которой онъ спѣшно заносилъ распоряженія Меншикова. Здѣсь позволю себѣ отмѣтить своеобразную причину, связавшую дружбою моего отца—простого артиллерійскаго офицера съ княземъ Голицынымъ, блестящимъ лейбъ-гусаромъ, адъютантомъ князя Меншикова—оба и князь Голицынъ и мой отецъ одинаково горячо и безкорыстно были увлечены математикой; иногда, даже и въ осажденномъ Севастополѣ, въ немногіе часы досуга сходились они потолковать о какомъ-нибудь математическомъ законѣ, особенно заинтересовавшемъ ихъ. Отецъ упоминалъ, что тогда среди молодежи положительно наблюдался особый интересъ къ сей точной и на первый взглядъ сухой наукѣ.

Какъ примѣръ относительности пріятныхъ ощущеній отецъ любилъ приводить эпизодъ двухъ своихъ поѣздокъ съ предписаніемъ, въ бытность подъ Севастополемъ,—поѣздокъ, оставившихъ въ немъ необыкновенно свѣтлое воспоминаніе. Однажды потребовалось спѣшно отдать приказаніе къ выступленію въ осажденный Севастополь цѣлому ряду батарей, располо-

женныхъ за Симферополемъ. Генераль послалъ моего отца. Большая дорога, равно какъ и ближайшія къ ней были загромождены обозами невообразимо и не было возможности прибыть по нимъ въ срокъ. Отцу пришлось ѣхать напрямикъ, верхомъ. Выѣхавъ днемъ, отецъ къ ночи прибылъ въ небольшую какую-то татарскую деревню, гдѣ уже стояла русская батарея. Отцу отвели ночлегъ въ татарской саклѣ, въ единственной конурѣ которой нѣсколько офицеровъ уже расположились на ночлегъ. Тѣснота и духота были невообразимы. Отцу оказалось возможнымъ отвести лишь небольшое пространство у печной трубы и чтобы протянуться, отцу пришлось просунуть голову въ отверстіе печи, имѣвшей видъ камина, находившееся прямо на полу: въ это прямое отверстіе печи отецъ увидѣлъ южное небо, усѣянное яркими звѣздами, и вдохнулъ чистый воздухъ, проникающій въ печь, и какимъ раемъ послѣ передрагъ войны показался отцу этотъ незатѣйливый ночлегъ съ пологомъ изъ темнаго клочка неба, съ хороводомъ яркихъ звѣздъ. Отецъ живо описалъ то блаженное состояніе, въ которомъ онъ заснулъ. Однако это блаженное состояніе было нарушено самымъ неожиданнымъ образомъ—вдругъ отецъ былъ разбуженъ цѣлымъ потокомъ южнаго ливнядожда, окатившаго его голову черезъ прямую трубу. На другой день отецъ отправился въ Бахчисарай; тутъ отцу пришлось ѣхать по мѣстамъ, занятымъ непріятельскими разѣздами, и шагомъ, по невылазной грязи, такъ что онъ только къ ночи прибылъ въ Бахчисарай. Въ Бахчисараѣ отцу отвели ночлегъ у батарейнаго командира. Скромная комнатка, кровать, подушка, простыни—все это послѣ невзгодъ боевой стоянки, холода и голода, спать не раздѣваясь на соломѣ, смѣшанной съ жидкой грязью, показались отцу роскошью необычайной. Отецъ описывалъ неизъяснимое блаженство, съ которымъ послѣ сытнаго ужина, истомленный и продрогшій дорогою онъ протянулся въ свѣжей постели, въ теплѣ. Курьера по казенной надобности, да еще съ предписаніемъ отъ начальника оборонительной артиллеріи, вездѣ въ батареяхъ принимали на-славу, задавали ему обѣды и ужины съ шампанскимъ. Выполнивъ порученіе, отецъ тѣмъ же путемъ вернулся обратно въ Севастополь.

Въ другой разъ вскорѣ послѣ Инкерманскаго сраженія отецъ получилъ предписаніе отъ генерала Кишинскаго спѣшно доставить къ начальнику артиллерійскихъ складовъ въ г. Николаевѣ генералу фонъ-Кноррингъ списокъ вещей, попорчениныхъ и утраченныхъ въ Инкерманскомъ бою, какъ напр. амуниціи, сбруи, сѣдель и проч., дабы генераль фонъ-Кноррингъ отдалъ распоряженіе о высылкѣ новыхъ. Двое сутокъ, на перекладныхъ, въ обыкновенной телѣгѣ тряся отецъ, не отдыхая ни днемъ, ни ночью. На третьи сутки отецъ пріѣхалъ въ городъ Николаевъ и, сознавая всю важность непромедленія ни одной минуты, не заѣзжая даже въ гостиницу, чтобы отдохнуть и обчиститься, прямо какъ былъ съ дороги подкатилъ къ парадному подъѣзду дома, занимаемаго генераломъ фонъ-Кноррингомъ, позвонилъ и спросилъ у лакея, можно ли видѣть его барина. Чопорный лакей важнаго генерала,

обмѣривъ презрительнымъ взглядомъ подѣхавшаго въ простой телѣжкѣ молоденькаго офицера, сплошь забрызганнаго грязью и еле державшагося отъ усталости на ногахъ, заносчиво отвѣтилъ: «Его Высокопревосходительство изволятъ почивать и никого не принимаютъ». — «Скажите генералу, что пріѣхалъ курьеръ изъ Севастополя съ предписаніемъ отъ начальника оборонительной артиллеріи». Узнавъ, что молоденькій офицеръ—курьеръ изъ Севастополя, лакей пошелъ доложить о немъ своему барину. Черезъ нѣсколько минутъ лакей пріѣхалъ запыхавшись и объявилъ, что баринъ изволили встать и приказали немедленно принять г-на курьера. Отецъ такъ, какъ былъ, въ грязной, помятой за дорогу одеждѣ, въ высокихъ сапогахъ, сплошь облѣпленныхъ грязью, прошелъ черезъ роскошную залу по чистому и гладкому какъ зеркало паркету мимо многочисленныхъ просителей, многихъ генераловъ, терпѣливо выжидавшихъ очереди и удивленными взорами проводившихъ грязнаго молоденькаго офицера, смѣшно и смѣло направлявшагося къ дверямъ кабинета начальника. Генералъ фонъ-Кноррингъ принялъ курьера съ необычайной любезностью, съ живымъ любопытствомъ разспрашивалъ о подробностяхъ осады, о рѣдкихъ впечатлѣніяхъ громаднаго военнаго событія, занимавшаго тогда умы всей Европы. Фонъ-Кноррингъ сказалъ, что немедленно сдѣлаетъ всѣ зависящія отъ него распоряженія, отдастъ всѣ соотвѣтствующія приказанія. Отдохнувъ нѣсколько въ гостиницѣ, отецъ отправился обратно въ Севастополь къ обязанностямъ службы въ тотъ же день.

Къ концу осады, батарея, въ которой служилъ отецъ, была отведена для отдыха и возобновленія людской и матеріальной части на нѣкоторое разстояніе отъ Севастополя. Здѣсь отецъ подхватилъ тифъ, тогда свирѣпствовавшій въ арміи, и его отправили на излѣченіе въ Симферополь. Дорогой отецъ былъ пораженъ обиліемъ фуръ и телѣгъ, везущихъ раненыхъ и больныхъ, сложенныхъ подчасъ на тряскихъ повозкахъ прямо какъ дрова. Симферополь во время осады Севастополя былъ переполненъ больными и ранеными невообразимо: все, что сколько-нибудь подходило для лѣченія таковыхъ, было превращено въ лазаретъ. Моему отцу, еле державшемуся на ногахъ, насилу подыскали помѣщеніе въ бывшей мелочной лавкѣ, представлявшей изъ себя конуру безъ оконъ и съ единственной дверью наружу, конуру, въ которую едва вдвинули кровать. Тамъ изрѣдка его навѣщалъ военный докторъ; уходъ отсутствовалъ бы совершенно, если бы не вѣрный его дядька Осипъ, который разыскалъ свое дитятко и тутъ и какъ нянька ходилъ за нимъ. Главнымъ докторомъ симферопольскаго военнаго госпиталя въ то время былъ мужъ родной тетки моего отца, разумѣется дядя тотчасъ же устроилъ бы у себя съ полными удобствами своего, больного племянника, но мой отецъ не захотѣлъ обезпечить своего дядю и не извѣстилъ его о своемъ прибытіи, зная,

что въ то трудное время дядя его и безъ того былъ очень стѣсненъ, будучи принужденъ давать у себя пріютъ многимъ здоровымъ и больнымъ, и только, когда отецъ выздоровѣлъ, онъ явился къ своему дядѣ, который за излишнюю щепетильность не мало попенялъ ему.

У дяди моему отцу между прочимъ пришлось быть на обѣдѣ, на которомъ въ числѣ приглашенныхъ былъ знаменитый Пироговъ. Отцу случайно пришлось сидѣть за обѣдомъ противъ этого мага хирургіи. Отецъ, наслышавшись не мало про его прямо сверхъестественную ловкость, невольно сталъ присматриваться ко всѣмъ движеніямъ рукъ этого необыкновеннаго человѣка. Случилось такъ, что къ обѣду въ числѣ прочихъ блюдъ была подана дичь. Отца поразила та ловкость, съ которою онъ управлялся съ этимъ блюдомъ: кости птицы казалось распались сами собой подъ его искуснымъ ножомъ. — Еще бы! кому же какъ не Пирогову были знакомы всѣ сочлененія и очертанія костей!

Еще нѣсколько словъ о Пироговѣ. Въ числѣ прочихъ раненыхъ офицеровъ въ Симферополѣ находился одинъ товарищъ отца — нѣкто Демидовъ. Человѣкъ очень богатый, съ большими связями, онъ былъ помѣщенъ для лѣченія у самого губернатора и къ нему былъ приглашенъ самъ лейбъ-хирургъ Арендтъ. Рана Демидова была тяжелою: граната раздробила ему обѣ пятки. Лейбъ-хирургъ Арендтъ являлся къ нему каждый день, чтобы удалять изъ пятокъ части раздробленныхъ костей: въ то время еще не было въ ходу во время операцій устранять болсвыя ощущенія хлороформированіемъ или пувльвизированіемъ раны эфиромъ умѣрять боль и подлежащимъ операціи приходилось страдать невообразимо. Демидовъ говорилъ впослѣдствіи отцу, что безъ ужаса не можеть вспомнить про тѣ страданія, какія онъ испытывалъ, когда Арендтъ (хирургъ вообще искусный) производилъ ему ежедневныя операціи, вытаскивая раздробленныя части костей пятокъ; но потомъ, когда почему-то вмѣсто Арендта къ нему явился Пироговъ и сталъ производить тѣ же манипуляціи, Демидовъ былъ пораженъ разницею между операціями, производимыми Арендтомъ и Пироговымъ—Пироговъ, по словамъ Демидова, вынималъ обломки костей съ такимъ искусствомъ, такъ ловко избѣгалъ прикосновенія къ боле-производящимъ нервамъ, что Демидовъ не только не чувствовалъ въ это время усиленія боли, но съ каждой новой вынутой косточкой чувствовалъ замѣтное облегченіе. Демидовъ, по его словамъ, во время операціи Арендта не могъ сдерживаться отъ стоновъ чуть не на весь домъ и совершенно свободно молча переносилъ операціи Пирогова.

Теперь о внѣшности Пирогова: отецъ упоминалъ, что при чертахъ лица исключительно неправильныхъ Пироговъ обладалъ выраженіемъ лица тонкости и пріятности необычайной. Отецъ находилъ, что это выраженіе всего болѣе походить на то, какое скульпторъ придалъ лицу Пирогова на памятникѣ, поставленномъ великому хирургу передъ московской хирургической клиникой, и что это выраженіе его лица совершенно невѣрно понято худож-

никомъ Рѣпиннымъ въ портретѣ его кисти, помѣщенномъ въ Третьяковской галлерей. Отецъ находилъ возможнымъ, что Рѣпинъ очень неудачно попалъ на совершенно случайное настроеніе великаго хирурга. Послѣ первой встрѣчи съ Пироговымъ на обѣдѣ у своего дяди, отецъ потомъ встрѣчалъ Пирогова не разъ и при обстоятельствахъ весьма разнообразныхъ и говорить, что никогда ему не случалось подмѣчать у Пирогова такого брюзгливо-напыщеннаго выраженія, какое придалъ Пирогову Рѣпинъ.

Еще два слова объ отношеніяхъ подъ Севастополемъ русскихъ къ нашимъ врагамъ. Отецъ подтверждаетъ фактъ, отмѣченный исторіей о дружескомъ отношеніи нашихъ солдатъ къ вражескимъ во время перемирія. Насколько наблюдалъ отецъ, дружественнѣе всего были взаимоотношенія русскихъ и французовъ. Одинъ маленькій эпизодъ, рассказанный моимъ отцомъ, врѣзался у меня въ памяти. Однажды были захвачены въ плѣнъ въ числѣ прочихъ нѣсколько французскихъ офицеровъ—они показались отцу даже какъ бы обрадованными тѣмъ, что попались въ плѣнъ—были очень оживлены, разговорчивы, разсыпались въ похвалахъ русскимъ, ихъ добротѣ, ихъ воинской доблести, а одинъ изъ нихъ даже вынулъ изъ кармана большую коробку прекрасныхъ шоколадныхъ конфетъ и сталъ угощать моего отца и его товарищей, приговаривая:

— Mangez, je vous prie, c'est un chocolat excellent, j'ai toujours du chocolat avec moi.

И когда отецъ похвалилъ шоколадъ, онъ прибавилъ:

— Mangez, mangez encore, je suis ravi, que ça vous plait.

Отецъ очень сожалѣлъ, что ему не пришлось побесѣдовать съ этимъ французскимъ офицеромъ о предметахъ болѣе серьезныхъ, потому что какъ разъ въ то время отецъ былъ назначенъ сопровождать пушки, только что захваченныя нами у враговъ, пушки по случайности тѣ самыя, которыя въ настоящее время помѣщены у входа въ храмъ на Братской могилѣ въ Севастополѣ. Мнѣ случилось съ отцомъ быть тамъ и отецъ призналъ эти пушки, какъ старыхъ знакомыхъ.

Послѣ Севастопольской кампаніи, бригаду, въ которой служилъ отецъ, перевели въ Херсонскую губернію, Береславскій уѣздъ, а батарею, въ которой числился отецъ, помѣстили на постой въ деревнѣ Сейда-Минухъ, съ населеніемъ изъ евреевъ, поселенныхъ на землѣ по указу Императора Николая Павловича съ цѣлью приохотить ихъ къ полезному земледѣльческому труду. Увы! отведенные евреямъ надѣлы нисколько не приохотили ихъ къ столь несвойственному для этого племени занятию—поля оставались необработанными, а все мужское населеніе Сейда-Минухи отсутствовало совершенно, занимаясь всевозможными дѣлами по сосѣднимъ городамъ. Отцу отвели комнату въ холодной половинѣ еврейской хаты, выходявшей окнами на задворки; стѣны комнаты, отве-

денной отцу, въ зимнее время покрылись инеемъ, при дыханіи былъ виденъ паръ. Однако, несмотря на такую обстановку, отецъ подготовился въ Академію Генеральнаго Штаба; отецъ занимался одѣтый въ полушубокъ, при свѣтѣ сальной свѣчи, многое проходя сверхъ программы академическаго экзамена исключительно изъ любознательности. Какъ я уже упоминала выше, повидимому, безкорыстный интересъ къ наукѣ у молодежи составлялъ черту того времени. Отецъ рассказывалъ, что онъ и его товарищи по батареѣ, чтобы сократить скуку неудачной стоянки, устраивали сборища, цѣлью которыхъ было исключительно научное саморазвитіе: точныя знанія, математика, физика, науки военныя, предпочтительно занимали ихъ. Отецъ съ отраднымъ чувствомъ вспоминалъ эти чисто-научныя сборища, чуждыя политиканства, попойекъ и кутежей. Появленіе новыхъ книгъ, которыя такъ трудно было доставать въ то время, считалось лучшимъ праздникомъ... Тогда еще не раздавались крики о переутомленіи при недостаткѣ питанія, о невозможной обстановкѣ для занятій наукою и т. п.—тогда работали безъ жалобъ, искусно припоровляясь къ условіямъ жизни, чаще суровымъ, чѣмъ благопріятнымъ...

Вскорѣ мой отецъ былъ отчисленъ для держанія экзаменовъ въ Академію. Для поступленія въ Военную Академію тогда требовалось три экзамена: при дивизионномъ штабѣ, при корпусномъ и при самой Академіи; выдержавъ всѣ три экзамена, отецъ мой поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба. Тогда существовалъ слѣдующій обычай: всѣ поступившіе въ Академію должны были представиться Государю—таковыхъ собралось около пятидесяти человѣкъ въ одномъ изъ залъ Зимняго дворца. Случилось такъ, что изъ всѣхъ собравшихся только мой отецъ имѣлъ медаль за защиту Севастополя. Это обратило на себя вниманіе Государя. Александръ II подошелъ къ моему отцу и разспрашивалъ его довольно долго относительно его пребыванія въ осажденномъ Севастополѣ. Отецъ упоминалъ, что въ распросахъ Государя его поразила интересъ къ самой сущности военнаго дѣла, которую, видимо, Государь строго отдѣлялъ отъ его внѣшней, поверхностной стороны.

Упомяну еще объ одномъ любопытномъ знакомствѣ отца: въ Академіи Генеральнаго Штаба товарищемъ по курсу отца былъ Сѣраковскій, злополучный вожакъ послѣдняго польскаго возстанія. Отецъ не только зналъ его лично, но имѣлъ случаи часто встрѣчаться съ нимъ въ обществѣ и тѣсномъ пріятельскомъ кругу. Худой, съ безкровнымъ, некрасивымъ нервнымъ лицомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ отца, по первому знакомству, могъ сдѣлать весьма выгодное впечатлѣніе своими прекрасными манерами и своею поистинѣ европейскою благовоспитанностью; однако, при ближайшемъ знакомствѣ съ Сѣраковскимъ, по словамъ отца, крайне непріятно поражала въ немъ безграничная самоувѣренность, кичливость, по временамъ доходившая до такой наивности, что товарищи не высоко цѣнили его умъ. Отецъ рассказывалъ, что узнавъ изъ газетъ объ организаціи Сѣраковскимъ польскаго мятежа, онъ былъ крайне удивленъ,

такъ мало казался отцу подходящимъ къ суровой роли вожака народнаго возстанія этотъ барски извѣженный человѣкъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ говорилъ, что въ сумасбродствѣ затѣи во главѣ толпы сброда борются съ регулярными войсками необъятной могучей Россіи, равно какъ и въ стратегически нелѣпо веденномъ планѣ возстанія, онъ сразу узналъ чудака Сѣраковскаго, который въ бытность въ Академіи, въ пріятельскихъ бесѣдахъ на военныя темы, всегда обнаруживалъ себя, какъ весьма слабый стратегъ и весьма поверхностный слушатель курса военныхъ наукъ. Отецъ приводилъ, какъ примѣръ тактической несообразительности Сѣраковскаго эпизодъ, когда этотъ послѣдній расположилъ повстанцевъ передъ русскимъ отрядомъ такъ, что противниковъ раздѣляло неглубокое болото, съ расчетомъ, что оно послужитъ достаточной препоной для атаки русскихъ. Какъ извѣстно изъ исторіи, русскіе солдаты и офицеры шутя перебѣжали это болото и Сѣраковскій принужденъ былъ увидѣть крушеніе его эфемернаго плана. Въ общемъ, повторю, на роль своего товарища по Академіи въ польскомъ возстаніи отецъ смотрѣлъ какъ на странный, безумный, чуждый самому зачинщику порывъ.

По окончаніи Академіи Генеральнаго Штаба отецъ былъ назначенъ на службу въ Москву въ бывшій штабъ резервовъ армейской пѣхоты, изъ котораго былъ впослѣдствіи переведенъ въ Генеральный Штабъ, назначенъ на должность старшаго корпуснаго адъютанта и, наконецъ, получивъ назначеніе на должность помощника старшаго адъютанта Казанскаго военнаго округа, подалъ прошеніе объ отставкѣ по домашнимъ обстоятельствамъ, вышедъ въ оную 27 лѣтъ отъ роду съ чиномъ подполковника и съ мундиромъ.

Служба въ Москвѣ, успѣшная въ смыслѣ движенія по служебной лѣстницѣ, была не лишена терніевъ для отца вслѣдствіе своеобразныхъ недоразумѣній съ начальникомъ его, генераль-лейтенантомъ К., едва ли могущимъ быть признаннымъ «на высотѣ». Начальникъ резервовъ армейской пѣхоты, генераль-лейтенантъ К. былъ человѣкомъ весьма тяжелаго характера, брюзгливо придирчивый и мелочно самолюбивый, человѣкъ безпредѣльно гибкой совѣсти и вмѣстѣ съ тѣмъ вспыльчивый, самодуръ, не останавливающийся ни передъ какимъ превышеніемъ власти. Два эпизода столкновеній отца съ генераль-лейтенантомъ К. стоятъ быть изложенными.

Случилось такъ, что въ штабъ былъ присланъ для держанія офицерскаго экзамена молодой человѣкъ—сынъ извѣстнаго министра графа Валуева. Экзаминаторомъ по значительной части предметовъ былъ назначенъ мой отецъ. Передъ экзаменомъ генераль-лейтенантъ К. призвалъ къ себѣ отца и, объяснивъ, кого придется экзаменовать, прибавилъ:

— Понимаете-ли кого вамъ предстоитъ экзаменовать—сына самого

Валуева. Кажется, у молодого человѣка еще не малые пробѣлы въ знаніяхъ, но я нахожу, что въ такихъ случаяхъ на эти пробѣлы слѣдуетъ совершенно закрывать глаза!

Отецъ отвѣтилъ, что онъ врагъ какого бы то ни было запугиванья, но что онъ произведетъ экзамень, какъ велитъ его совѣсть. На испытаніи, произведенномъ моимъ отцомъ, обнаружилось полное невѣжество молодого графа Валуева, и отецъ былъ вынужденъ по всѣмъ предметамъ произведенныхъ имъ экзаменовъ поставить неудовлетворительный баллъ.

Генераль-лейтенантъ К., узнавъ объ экзаменѣ, произведенномъ отцомъ, пришелъ въ ужасъ и позвалъ къ себѣ моего отца.

— Что вы сдѣлали: вы провалили сына графа Валуева!—закричалъ онъ.

Отецъ объяснилъ, что онъ не могъ поступить иначе, такъ какъ молодой графъ Валуевъ ровно ничего не зналъ.

— Но зналъ ли что-либо сынъ Валуева или не зналъ—это для меня безразлично, сказалъ генераль-лейтенантъ К.,—а я требую, чтобы вы всѣ поставленныя вами графу Валуеву отмѣтки перемѣнили на удовлетворительныя баллы».

Отецъ отвѣтилъ, что онъ этого требованія исполнить не можетъ.

— А-а-а вы такъ?—ну такъ мы обойдемся и безъ васъ и выдадимъ ему удовлетворительный аттестатъ.

Отецъ вѣжливо замѣтилъ, что онъ не подпишется подъ такимъ аттестатомъ.

— Не подпишетесь?—мы обойдемся и безъ вашей подписи!

Отецъ замѣтилъ, что по уставу полагается подпись всѣхъ экзаменаторовъ... Этотъ отвѣтъ вызвалъ цѣлую бурю.

Однако, генераль-лейтенантъ К., поразмысливъ, не отважился поправлять отмѣтки и молодой графъ Валуевъ уѣхалъ къ отцу ни съ чѣмъ.

Случилось такъ, что вскорѣ послѣ этого эпизода генераль-лейтенантъ К. уѣхалъ по дѣламъ въ Петербургъ. Тамъ на одномъ великосвѣтскомъ раутѣ онъ встрѣтился съ графомъ Валуевымъ—отцомъ. Эта встрѣча имѣла совершенно неожиданный исходъ для генераль-лейтенанта К.: графъ Валуевъ при всѣхъ подошелъ къ генералу К., обнялъ его, поцѣловалъ и сказалъ:

— Искренно, отъ души благодарю васъ, генераль.

— За что?—изумленный до невѣроятія воскликнулъ генераль К.

— Мой сынъ держалъ офицерскій экзамень у васъ при штабѣ и провалился! Вы поступили, какъ благородный человѣкъ; ваше безпристрастіе къ моему сыну искренно порадовало меня: мой сынъ не лишень иныхъ добрыхъ свойствъ, но онъ страшно избалованъ и потому весьма легкомысленъ—ему въ высшей степени полезна хотя бы какая-нибудь наука!

Любопытнѣе всего, что по приѣздѣ въ Москву генераль-лейтенантъ К. съ самодовольнымъ хвастовствомъ рассказывалъ про свою встрѣчу

съ графомъ Валувевымъ и про свое «безпристрастіе» къ его сыну, рассказывалъ, даже не стѣсняясь присутствіемъ отца.

Эпизодъ, въ благопріятномъ исходѣ котораго былъ главнымъ виновникомъ мой отецъ, былъ исчерпанъ, но отношеніе генераль-лейтенанта К. къ моему отцу измѣнилось разъ навсегда—начальникъ не могъ простить случая противорѣчія ему и съ тѣхъ поръ цѣлымъ рядомъ выходокъ подчасъ возмутительныхъ мстилъ своему подчиненному. Привожу одинъ изъ эпизодовъ этой мести.

У генераль-лейтенанта К. было огромное имѣніе на югѣ Россіи и ему понадобилось произвести съемку въ немъ. Чтобы съемка обошлась дешево, генераль-лейтенантъ послалъ произвести эту съемку одного изъ военныхъ топографовъ нижнихъ чиновъ, имѣвшихся при штабѣ. По несчастной случайности топографъ, вообще очень опытный и необычайно исправный, перепуталъ что-то при съемкѣ и къ тому же не въ пользу своего начальника. Ошибка топографа вывела генерала К. изъ себя и генераль К. отдалъ приказаніе выпоротъ этого топографа — человѣка въ лѣтахъ, по развитію, благовоспитанности подходящаго къ образованному классу общества. Радуюсь случаю мести моему отцу, генераль-лейтенантъ К. поручилъ ему наблюдать за выполненіемъ этой экзекуціи. Отецъ отказался отъ такого порученія наотрѣзъ.

— Но я какъ начальникъ приказываю вамъ и вы должны повиноваться,—закричалъ генераль моему отцу.

Отецъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ повиповснѣ начальству, но только не въ такихъ случаяхъ.

— Но топографъ будетъ выпоротъ и безъ васъ! крикнулъ генераль К. Тогда отецъ сказалъ:

— Ваше превосходительство—вы не сдѣлаете этого—этотъ топографъ незамѣнимъ и подобное наказаніе подорветъ его усердіе.

— Какъ не сдѣлаю?—ужь не вы ли запретите мнѣ это!—опять крикнулъ генераль К.

— Я не могу запретить вашему превосходительству, но если вы не отмѣните вашего приказанія выпоротъ этого исправнаго человѣка, то я принужденъ буду подать рапортъ о томъ, что вы употребляете служащихъ для своихъ частныхъ надобностей!

Генераль К. оторопѣлъ... Прійдя въ себя онъ закричалъ:

— А-а-а, такъ вы такъ! Доносить! Но въ такомъ случаѣ я объявляю вамъ, что не могу служить съ вами: кто-нибудь одинъ изъ насъ долженъ выйти въ отставку.

— Я не собираюсь выходить, но не могу воспретить сдѣлать это вамъ. отвѣтилъ отецъ, начавшій уже терять терпѣніе.

Трудно описать подавленную злобу генерала К. Послѣ этого онъ принялъ цѣлый рядъ способовъ мести моему отцу, способовъ настолько возмутительныхъ, что о нихъ пріятнѣе не упоминать вовсе.

Вообще же отецъ не могъ пожаловаться на начальство и о личности

генераль-лейтенанта К. упоминаль, какъ объ явленіи единичномъ среди другихъ своихъ начальниковъ, подчасъ можетъ быть и строгихъ, но справедливыхъ въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ.

Свѣтлое впечатлѣніе оставила въ памяти отца личность Павла Алексѣевича Тучкова, тогда уже маститаго старца, въ то время генераль-губернатора Москвы. Отецъ часто бывалъ посылаемъ къ нему со всевозможными порученіями и всегда удивлялся утонченной деликатности и прекраснымъ душевнымъ свойствамъ этого славнаго ветерана отечественной войны.

Отецъ описывалъ и величавую осанку Тучкова, и его мягкость обхожденія и внимательную разумную рѣчь.

Видѣль отецъ и другого славнаго ветерана отечественной войны— Ермолова, тогда уже угасавшаго. Случилось такъ, что на службу отцу приходилось проходить каждый день мимо дома, въ которомъ жилъ Ермоловъ. Въ нижнемъ этажѣ этого дома въ одно изъ раскрытыхъ оконъ онъ часто видѣлъ величаваго, одѣтаго въ халатъ, сидящаго въ огромномъ креслѣ, старца съ львиной гривой волосъ на огромной головѣ, съ грустью смотрящаго изъ подъ густыхъ нахмуренныхъ бровей потухающимъ, но глубокимъ взоромъ въ окно на уходящую отъ него жизнь.

Выйдя въ отставку, отецъ всецѣло посвятилъ себя педагогическому дѣлу и навсегда поселился въ Москвѣ. Будучи человѣкомъ дѣятельнымъ и живо интересующимся всѣми вопросами жизни, онъ имѣлъ большой кругъ знакомства, зналъ многихъ видныхъ москвичей, крупныхъ дѣятелей московской сцены и науки, лично зналъ многихъ крупныхъ писателей,— изъ нихъ отецъ чаще всего вспоминалъ о поэтѣ Плещевѣ, съ которымъ былъ пріятелемъ и въ которомъ любилъ его дѣтски чистую душу и возвышенный строй ума.

Л. Кедрина.